

Чтобы найти воду,
нужно копать землю
под муравейниками

БЕРНОАР ВЕРБОЕР

муравьи



Муравьи

Бернар Вербер

Муравьи

«ЭКСМО»

1991

УДК 821.133.1-3
ББК 84(4Фра)-44

Вербер Б.

Муравьи / Б. Вербер — «Эксмо», 1991 — (Муравьи)

ISBN 978-5-04-115769-2

История о муравьях и людях становится еще запутаннее. Молодая муравьиная королева Шли-пу-ни, только что взошедшая на трон, мечтает отомстить пальцам - так муравьи называют людей - за убийство своей матери. Тем временем за пределами муравейника один за другим погибают химики, занимавшиеся разработкой яда против муравьев. За дело берутся детектив Жак Мелье и журналистка Летиция Уэллс, дочь Эдмонда Уэллса.

УДК 821.133.1-3

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-04-115769-2

© Вербер Б., 1991

© Эксмо, 1991

Содержание

Пробудитель	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Бернар Вербер Муравьи

Моим родителям

*И всем тем – друзьям, исследователям, – кто внес лепту в
строительство этого здания*

За несколько секунд, что понадобятся вам для прочтения следующих четырех строчек...

...40 человек и 700 миллионов муравьев успеют родиться на планете Земля.

...30 человек и 500 миллионов муравьев успеют умереть на планете Земля.

ЧЕЛОВЕК: Млекопитающее ростом от одного до двух метров. Вес – от 30 до 100 килограммов. Период беременности у самок – 9 месяцев. Тип питания – всеядность. Предполагаемая численность популяции – более 5 миллиардов особей.

МУРАВЕЙ: Насекомое размером от 0,01 до 3 сантиметров. Вес – от 1 до 150 миллиграммов. Кладка яиц – произвольная, в зависимости от запаса сперматозоидов. Тип питания – всеядность. Вероятная численность популяции – более миллиарда миллиардов особей.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Пробудитель

– Вот увидите, это совсем не то, чего вы ждете.

Нотариус пояснил, что дом внесен в реестр исторических памятников и что когда-то здесь проживали философы эпохи Возрождения, – впрочем, кто именно, припомнить он не смог.

Поднявшись по лестнице, они вошли в темный коридор, и нотариус после долгих, но безуспешных попыток нажать на кнопку выключателя, сказал:

– Фу-ты, черт! Не горит.

Дальше они продвигались впотьмах, нащупывая руками стены и производя немалый шум. Наконец нотариус добрался до двери, открыл ее и, нажав – на сей раз небезуспешно – на кнопку выключателя, разглядел искажившееся лицо клиента.

– Что с вами, господин Уэллс?

– Нечто вроде навязчивого страха.

– Бойтесь темноты?

– Точно. Но мне уже лучше.

Они осмотрели помещение. Это был полуподвал площадью двести квадратных метров. Хотя на улицу выходило лишь несколько узеньких окошек под потолком, квартира Джонатану приглянулась. Все стены были оклеены одинаковыми серыми обоями, повсюду лежала пыль... Но привередничать он не собирался.

Нынешняя его квартира, в отличие от этой, размещалась на шестом этаже. К тому же у него больше не было денег на ее оплату: слесарня, где он работал, с недавних пор решила, что может обойтись без его услуг.

И тут поистине нежданная удача – наследство дядюшки Эдмонда!

Пару дней назад он перебрался в дом номер 3 по улице Сибаритов вместе с женой Люси, сыном Николя и Уарзатом, кастрированным карликовым пуделем.

– Лично мне нравятся эти серые стены, – заявила Люси, тряхнув пышными рыжими волосами. – Тут можно все обставить на свой вкус. Работы предстоит непочатый край. Это все равно что сделать из тюрьмы гостиницу.

– А где моя комната? – спросил Николя.

– Там, дальше, справа.

– Гав-гав, – подал голос пес и принялся покусывать щиколотки Люси, не считаясь с тем, что в руках у нее был свадебный сервиз.

Его живо заперли в туалете на ключ, поскольку он легко допрыгивал до дверных ручек и изловчился на них нажимать.

– Ты хорошо его знал – своего щедрого дядюшку? – продолжила Люси.

– Дядюшку Эдмонда? Сказать по правде, все, что я помню, – это как он играл со мной в самолетики, когда я был совсем малыш. Однажды я так сильно испугался, что описал его.

Они рассмеялись.

– Как это, неужели душа ушла в пятки? – подтрунила над ним Люси.

Джонатан сделал вид, будто не расслышал.

– Он тогда даже не обиделся на меня. Только сказал маме: «Что ж, теперь будем знать – летчик из него не выйдет...» Потом мама рассказывала, что он всегда интересовался моей жизнью, но я его больше не видел.

– А кто он был по профессии?

– Ученый. Биолог, кажется.

Джонатан задумался. В конце концов, он совсем не знал своего благодетеля.

В

6 км оттуда:

Бел-о-Кан,

Метр в высоту.

50 ярусов под землей.

50 ярусов над землей.

Самый большой город в округе.

Предполагаемая численность популяции – 18 миллионов обитателей.

Годовая выработка:

– 50 литров медвяной росы тлей;

– 10 литров медвяной росы щитовок;

– 4 килограмма шампиньонов;

– выкопанный гравий – 1 тонна;

– действующие проходы – 120 километров;

– площадь поверхности – 2 квадратных метра.

Луч скользнул в сторону. Шевельнулась лапка. Первое движение после трехмесячной спячки. Медленно распрямляется другая лапка с парой коготков на конце, и они мало-помалу раздвигаются. Расправляется третья лапка. Потом – грудь. И вот одно существо готово. За ним – двенадцать существ.

Они подрагивают, разгоняя кровь по артериальной сети. Из тестообразного состояния кровь переходит в вязкое, потом в жидкое. Постепенно оживает сердечная мышца. Она толкает жизненный сок к самым кончикам их конечностей. Двигательный аппарат разогревается. Сверхсложные сочленения вращаются. Коленные суставы под щитками скручиваются до предела.

Они поднимаются. Их тела вновь обретают энергию. Движения неловкие. Замедленные. Они слегка вздрагивают, встряхиваясь. Передние лапки складываются возле рта, словно в молитве, но нет, они всего лишь смачивают коготки, чтобы начистить до блеска свои усики.

Двенадцать пробудившихся растирают друг дружку. Затем пробуют разбудить других. Но им и самим-то едва хватает сил двигаться – оделить своей энергией кого-то еще они не могут и отступают.

Они с трудом переваливаются через оцепеневшие тела собратьев. И направляются навстречу великому Внешнему миру, чтобы получить тепло дневного светила.

Истощенные, они едва продвигаются. Каждый шаг отдается болью. Им так хочется снова улечься спать, угомониться, подобно миллионам сородичей! Но нет. Они пробудились первыми. И теперь должны разбудить целый город.

Они продираются сквозь поверхностный слой города. Солнечный свет их слепит. Но встреча с чистой энергией придает им сил.

Солнце в наши полые скелеты проникает,

Мышцы наши омертвевшие оживляет

И мысли беспорядочные объединяет.

Это старинная песнь рыжих муравьев пятого тысячелетия. Уже в те стародавние времена им хотелось воспеть в мыслях своих первую встречу с теплом.

Оказавшись снаружи, они принимаются методично умываться, выделяя белую слюну и обмазывая ею челюсти и лапки.

Они чистятся. Это целый церемониал, причем неизменный. Сначала глаза. Тысяча триста маленьких оконцев, образующих каждый шаровидный глаз, очищаются от пыли, смачиваются, высушиваются. То же самое они проделывают с нижними, средними и верхними конечностями. В довершение всего начищают до блеска свои прекрасные рыжие панцири – так, чтобы они сверкали, точно огненные капли.

Среди дюжины пробудившихся муравьев оказывается и самец-производитель. Он чуть меньше средней особи белоканской популяции. У него узкие челюсти, и прожить ему суждено несколько месяцев, не дольше, хотя при этом он наделен преимуществами, неизвестными его собратьям.

Первая привилегия его касты: у него, как у половой особи, пять глаз. Пара больших выпученных глаз, обеспечивающих широкое поле обзора, – до 180 градусов. Кроме того, три маленьких глазка, расположенных треугольником на лбу. На самом деле три лишних глаза – это датчики инфракрасного излучения, они позволяют улавливать на расстоянии любой источник тепла даже в кромешной тьме.

Подобное свойство тем более ценно, что большинство обитателей крупных городов нынешнего столетия тысячелетия начисто ослепло, поскольку им пришлось всю жизнь провести под землей.

Но он наделен этим свойством. К тому же у него (как и у самок) имеются крылья, которые однажды позволят взлететь в любовном порыве.

Грудь его защищена особой пластиной – мезотоном.

Усики у него длиннее и чувствительнее, чем у других обитателей.

Этот молодой самец-производитель надолго остается на куполе – погреться на солнышке. Затем, хорошо согревшись, он возвращается в город. Он временно входит в касту муравьев-«тепловестников».

Он перемещается по третьему нижнему ярусу. Здесь все по-прежнему пребывают в глубоком сне. Скованные холодом тела оцепенели. Усики поникли.

Муравьи все еще видят сны.

Молодой самец протягивает лапку к рабочей особи, желая разбудить ее теплом своего тела. Это прикосновение вызывает приятный электрический разряд.

После второго звонка послышались тихие шаги. Дверь открылась, но не сразу, а после того, как бабушка Августа сняла предохранительную цепочку. После смерти двух своих детей она стала затворницей в маленькой квартирке площадью тридцать квадратных метров и жила воспоминаниями о прошлом. Это не шло ей на пользу, но душевной доброты у нее в результате не убавилось.

– Знаю, это прозвучит странно, но надень тапки. Я натерла воском паркет.

Джонатан повиновался. Августа засемила впереди, ведя его в гостиную, где большая часть мебели была зачехлена. И все же примоститься на краешке дивана так, чтобы не сдвинулся чехол, ему не удалось.

– Я так рада, что ты пришел... Веришь ли, накануне я как раз собиралась тебе позвонить.

– В самом деле?

– Представляешь, Эдмонд оставил мне кое-что для тебя. Письмо. Он так и сказал: «Если умру, передай это письмо Джонатану во что бы то ни стало».

– Письмо?

– Письмо, да, письмо... Гм... вот только не помню, куда я его положила. Погоди-ка... Он дает мне письмо, я говорю, что спрячу его, и кладу в коробку. Кажется, в одну из жестяных коробок в большом стенном шкафу.

Шаркнув раз-другой шлепанцами, она застыла на месте, так и не успев толком сдвинуться с места.

– Ты смотри, какая же я глупая! Ну как я тебя встречаю! Хочешь чаю с вербеной?

– С удовольствием.

Августа ушла на кухню и загромыхала кастрюлями.

– Рассказал бы, что у тебя новенького, Джонатан! – бросила она.

– Все не так уж плохо. Вот только с работы уволили.

Старушка на мгновение просунула в дверь седую головку, потом с серьезным видом показала в проеме целиком, в длинном синем фартуке.

– Что, выгнали?

– Да.

– А почему?

– Видишь ли, слесарное дело – штука хитрая. Контора «Спасите наш замок» трудится круглосуточно, мы работаем по всему Парижу. Но после того, как на одного моего сослуживца напали, я отказался выезжать по вечерам в неблагополучные районы. Вот меня и выперли.

– Ты правильно поступил. Уж лучше быть безработным и здоровым, чем наоборот.

– Да и с начальством у меня не заладилось.

– А как твои опыты с утопическими общинами? В мое время они назывались коммунами Новой эры. – Она прыснула украдкой, и это прозвучало у нее как «но-о-ры».

– После того, как у нас ничего не вышло с пиренейской фермой, я бросил это дело. Люси осточертело стряпать на всю ораву и мыть за всеми посуду. К нам втерлись чужаки. Мы переругались. И теперь я живу с Люси и Николя... Ну, а ты как, бабуля?

– Я-то? Живу себе помаленьку. Но это уже требует усилий.

– Счастливая! Ты дотянула до нового тысячелетия...

– А знаешь, меня больше всего поражает то, что ничего не изменилось. Раньше, когда я была совсем девчонка, говорили, что, когда настанет новое тысячелетие, случится что-то невообразимое, но, как видишь, ничего такого не произошло. Старики все так же одиноки, все так же полно безработных, все так же дымят машины. Даже мысли не изменились. Смотри, год назад заново открыли сюрреалистов, дорок-н-рольную эпоху, и вот уже газеты трубят о великом возвращении мини-юбок этим летом. Если дело и дальше так пойдет, глядишь, снова вытащат на свет божий старые идеи начала века минувшего – коммунизм, психоанализ, теорию относительности...

Джонатан улыбнулся:

– Но ведь был же и кое-какой прогресс: увеличилась средняя продолжительность жизни, и разводов стало больше, и уровень загрязнения воздуха повысился, и протяженность линий метро...

– Эка невидаль! А я-то думала, у каждого из нас будет по собственному самолету и мы сможем взлетать прямо с балконов... Знаешь, когда я была молодая, люди боялись атомной войны. До жути. Страшились сгинуть в столетнем возрасте в пекле гигантского ядерного гриба, сгинуть вместе с планетой... и это, что ни говори, было впечатляюще. Но вместо этого я сгину в земле, как старая гнилая картофелина. И всем на это будет наплевать.

– Да нет же, бабуля, нет.

Она вытерла лоб.

– А тут еще эта жара, и с каждым днем становится все жарче. В мое время такого пекла не бывало. Зима была как зима, лето – как лето. А теперь жарить начинает уже в марте.

Она вернулась в кухню и засуетилась там, хватая с завидной ловкостью все необходимое для приготовления настоящего доброго чая с вербеной. После того как Августа чиркнула спичкой, в допотопной плите загудел газ, и она вернулась, заметно успокоившись.

– Но признайся все же, ты, верно, заглянул ко мне на огонек с какой-то определенной целью. Проведать стариков просто так в наше время не приходят.

– Не будьте такой циничной, бабуля.

– А я говорю это без малейшего цинизма, потому как знаю, в каком мире мы живем, только и всего. Ладно, хватит ломать комедию, выкладывай, зачем пришел.

– Я бы хотел, чтобы ты рассказала про него. Он завещал мне свою квартиру, а я его даже толком не знал...

– Про Эдмонда? Ты что, не помнишь Эдмонда? А ведь он так любил играть с тобой в самолетики, когда ты был маленький. Помню даже, как-то раз...

– Да, я тоже помню ту историю, но больше ничего.

Августа расположилась в большом кресле, явно стараясь не помять чехол.

– Эдмонд... гм... это была личность. Еще совсем юным он доставлял мне немало хлопот. Хоть я и была его матерью, приходилось мне непросто. Так вот, он, например, постоянно ломал свои игрушки – все больше разбирал их на части, а собирал раз в год по обещанию. Да если бы он ломал только игрушки! В его руках рассыпалось все: часы, проигрыватель, электрическая зубная щетка. А однажды он даже разобрал холодильник.

Словно в подтверждение ее слов старинные часы на стене в гостиной скорбно зазвонили. Им тоже изрядно досталось от маленького Эдмонда.

– Впрочем, была у него и другая страсть – норы. Он весь дом переворачивал вверх дном, когда строил себе убежища. Одно он соорудил из одеял и зонтиков на чердаке. Другое – из стульев и меховых манто у себя в комнате. Ему нравилось прятаться в этих норах среди сокровищ, которые он там хранил. Как-то раз я посмотрела: там было полно подушек и всякого хлама – деталей от машин. Хотя, в общем, все выглядело довольно уютно.

– Так делают все дети...

– Возможно, только у него это дошло до крайности. Он забыл, что такое кровать, соглашался спать лишь в одной из своих нор. И порой просиживал там целые дни напролет, не шелохнувшись. Будто в спячку впадал. Впрочем, твоя мать уверяла, что в прошлой жизни он был белкой.

Джонатан улыбнулся, побуждая Августу продолжать.

– А однажды ему вздумалось соорудить себе хижину под столом в гостиной. Это была последняя капля – твой дед осерчал не на шутку, чего прежде за ним почти никогда не замечалось. Он отделал Эдмонда ремнем, разрушил все норы и заставил его спать в кровати.

Вздыхнув, она продолжила:

– С того самого дня он совсем от рук отбился. Будто оторвался от нас. Мы будто перестали быть частью его мира. Но, думаю, такое испытание было необходимо, ему следовало понять – мир не станет потакать его капризам. Потом же, когда он повзрослел, возникли трудности. Он терпеть не мог школу. Ты снова скажешь – «как все дети». Но у него все зашло слишком далеко. Много ли ты знаешь детей, которые вешаются в туалетах на собственном ремне потому, что их отчитал учитель? А он повесился, когда ему было семь. Из петли его вытащил дворник.

– Может, он был чересчур ранимый...

– Ранимый? Скажешь тоже! Через год он пырнул ножницами учителя. Метил прямо в сердце. Хорошо еще, что проткнул только его портсигар.

Августа возвела взгляд к потолку. Казалось, воспоминания сыпались на нее сверху, точно снежные хлопья.

– Впоследствии все вроде бы утряслось, потому что за него заступились некоторые преподаватели. У Эдмонда было двадцать баллов по тем дисциплинам, которые ему нравились, и ноль по остальным. И так постоянно: ноль или двадцать.

– Мама говорила, он был гений.

– Он запудривал мозги твоей матери – утверждал, что пытается достичь «абсолютного знания». И мать твоя, которая с десяти лет верила в прошлые жизни, считала его перевоплощением Эйнштейна или Леонардо да Винчи.

– Помимо белки?

– Почему бы и нет? «Надобно прожить не одну жизнь, чтобы возникла одна душа...» – говорил Будда.

– Эдмонд проходил тесты на умственное развитие?

– Да. И все провалил. Получил двадцать три процента из возможных ста восьмидесяти, что соответствует легкому слабоумию. Воспитатели решили, что он дурачок и что его надо отправить в специальный центр. Однако я знала: никакой он не дурачок, а всего лишь «особенный». Помню, как-то раз – о, ему тогда было только одиннадцать! – он поспорил со мной, что мне нипочем не сложить четыре равносторонних треугольника из шести спичек. Это дело непростое, попробуй – сам увидишь...

Она ушла на кухню взглянуть на свое варево и вернулась с шестью спичками. Джонатан задумался. Задача, казалось, была ему по зубам. Он по-всякому раскладывал шесть палочек, но через несколько минут, после многочисленных попыток, ему пришлось отступить.

– Так в чем тут фокус?

Бабушка Августа собралась с мыслями.

– Что ж, на самом деле он, кажется, мне так его и не раскрыл. Помню только фразу, которую он бросил мне в качестве подсказки: «Думай по-другому, а будешь рассуждать, как привыкла, ничего не выйдет». Представляешь, одиннадцатилетний сосунок выдает мне такие штуки! Ах, кажется, чайник свистит. Должно быть, вскипел.

Августа принесла две чашки, наполненные благоуханной желтоватой жидкостью.

– Знаешь, мне нравится, что ты интересуешься своим дядюшкой, как я погляжу. В наше время люди уходят из жизни, и все о них тут же забывают.

Джонатан отложил спички в сторону и осторожно отпил вербенового чая.

– А что было потом?

– Больше мне нечего сказать: после того, как он поступил в университет, мы не получали от него никаких весточек. От твоей матери я узнала, что он вроде как с блеском защитил докторскую, работал в какой-то компании по производству продовольственных товаров, уволился из нее и отбыл в Африку, а потом, когда вернулся, жил на улице Сибаритов, и никто ничего не слышал о нем до самой его смерти.

– Как он умер?

– Ах, ты разве не в курсе? Невероятная история! Об этом писали во всех газетах. Его, представь себе, убили осы.

– Осы? Как это?

– Он гулял в лесу один и нечаянно наткнулся на осиный рой. Вот осы всем скопом и накинулись на него. «В жизни не видел столько укусов на одном человеке!» – заявил тогда судмедэксперт. Он умер, потому что в каждом литре его крови было 0,3 грамма яда. Это неслыханно.

– А где его могила?

– Он просил похоронить его в лесу, под сосной.

– У тебя есть его фотография?

– Вон, посмотри на той стене, над комодом. Справа – Сюзи, твоя мать. Ты когда-нибудь видел ее такой молоденькой? А слева – Эдмонд.

Польсевшая голова, тонкие усики, уши без мочек, как у Кафки, выше уровня бровей. Лукавая усмешка. Суций дьяволенок.

Рядом с ним Сюзи в белом платье вся сияла. Через несколько лет она вышла замуж, но свою девичью фамилию – Уэллс так и не поменяла. Словно не хотела, чтобы имя мужа бросало тень на ее потомство.

Подойдя ближе, Джонатан заметил, что Эдмонд держал два пальца над головой сестры.
– Он был изрядный шалун, да?

Августа не ответила. В ее глазах появилась грусть, когда взгляд упал на лучезарное лицо дочери. Сюзи умерла шесть лет назад. Пятнадцатитонный грузовик с пьяным шофером за рулем столкнул ее машину в овраг. Агония продолжалась два дня. Она все звала Эдмонда, а Эдмонд так и не пришел. Он снова был где-то далеко...

– Ты знаешь еще кого-нибудь, кто мог бы рассказать мне про Эдмонда?

– Гм... Был у него друг детства, с которым он частенько виделся. Они даже учились вместе в университете. Джейсон Брейгель. У меня, кажется, сохранились его координаты.

Августа, быстро заглянув в компьютер, дала Джонатану адрес этого друга. И нежно взглянула на внука. Он был последним живым отпрыском рода Уэллсов. Славный мальчик.

– Ну же, допивай чай, а то остынет. У меня есть еще «Мадленки», если хочешь. Я сама их делаю из перепелиных яиц.

– Нет, спасибо, мне пора идти. Приезжай как-нибудь к нам в новую квартиру, мы уже устроились.

– Договорились, но постой, письмо-то не забудь.

Лихорадочно перерыв большой стеной шкаф и жестяные коробки, она наконец отыскала белый конверт, на котором рваным почерком было выведено: «Джонатану Уэллсу». Клапан конверта был в несколько слоев заклеен клейкой лентой, чтобы уберечь его от несвоевременного вскрытия. Джонатан осторожно разорвал конверт. Выпал мятый листок – по виду из школьной тетрадки. На листке было написано:

«Никогда не спускайся в подвал!»

У муравьишки подрагивают усики. Она похожа на машину, которую надолго бросили под снегом и теперь снова пробуют завести. Самец пытается проделать это несколько раз. Он растирает ее. Обмазывает теплой слюной.

Оживает! Так и есть, двигатель запускается. Время забытья прошло. Все начинается снова, как будто она и не пережила эту «маленькую смерть».

Он опять принимается растирать ее, передавая ей тепло. Ей уже явно лучше. Пока он усердствует, она поворачивает к нему усики и прикасается к нему. Ей хочется знать, кто он.

Она ощупывает первый его сегмент, начиная с черепа, и узнает его возраст: сто семьдесят три дня. По второму сегменту слепая рабочая особь распознает его касту: самец-производитель. По третьему – его вид и город: лесной рыжий муравей из главного города Бел-о-Кана. По четвертому она определяет номер его кладки, который служит ему обозначением: он самец номер 327, снесенный в начале осени.

Она прерывает обонятельное декодирование. Остальные сегменты ничего не излучают. Пятый улавливает пахучие молекулы. Шестой служит для простого общения. Седьмой – для более сложного, наподобие полового. Восьмой предназначен для общения с Маткой. Наконец, три последних используются как дубинки.

Вот так, с помощью второй половины усика, она ощупывает одиннадцать сегментов. Но ей нечего ему сообщить. Тогда она отстраняется и в свою очередь отправляется погреться на кровлю Города.

Он делает то же самое. С работой тепловестника покончено – можно заняться ремонтом!

Выбравшись наверх, самец номер 327 осматривает разрушения. Город построен в форме конуса, чтобы можно было выдержать любое незначительное ненастье, однако зима выдалась губельной. Ветер, снег и град сорвали первый покровный слой веточек. Часть выходов закупорены птичьим пометом. Надо живо браться за дело. Номер 327 направляется к огромному желтому пятну и впивается челюстями в твердую зловонную массу. С другой стороны уже просвечивает силуэт насекомого, которое роет изнутри.

В дверном глазке потемнело. На него смотрели сквозь дверь.

– Кто там?

– Это господин Гунь... Я насчет переплетных работ.

Дверь приоткрылась. Означенный Гунь опустил глаза – его взгляд упал на светловолосого мальчонку лет десяти, потом, опустившись ниже, – на крохотного песика, который, просунув нос между ног последнего, затыкал.

– Папы нет дома!

– Точно? Ко мне должен был зайти профессор Уэллс и...

– Профессор Уэллс – мой двоюродный дедушка. Но он умер.

Николя хотел было закрыть дверь, но посетитель в тот же миг подставил ногу.

– Искренне соболезную. А вы уверены, что он не оставил толстой папки с бумагами? Я переплетчик. Он уплатил мне вперед, чтобы я переплел его рабочие записи в кожаную обложку. По-моему, он собирался составить энциклопедию. И должен был зайти ко мне, но так и не объявился...

– Говорю же, он умер.

Мужчина просунул ногу еще дальше, надавив на дверь коленом, как будто хотел войти, оттолкнув мальчонку. Карликовый пес залился истошным лаем. Мужчина застыл на месте.

– Поймите, мне будет крайне неловко, если я не выполню данные ему обещания, хотя бы посмертно. Гляньте, пожалуйста. У него непременно где-нибудь должна лежать большая красная папка.

– Энциклопедия, говорите?

– Да, сам он называл всю эту кучу «Энциклопедией относительного и абсолютного знания», хотя я бы премного удивился, если бы на обложке было написано такое...

– Будь она у нас дома, мы бы ее уже нашли.

– Простите меня за настойчивость, но...

Карликовый пудель снова затыкал. Мужчина чуть подался назад, но мальчонка успел захлопнуть дверь прямо у него перед носом.

Теперь пробудился весь Город. Проходы заполняют муравьи-тепловестники, спешащие отогреть Рой. Однако в некоторых местах, на распустьях, все еще лежат застывшие обитатели Города. Как ни стараются тепловестники расшевелить их, растряссти, они даже не шелохнутся.

Эти муравьи уже никогда не шелохнутся. Они мертвы. Для них зимняя спячка обернулась гибелью. Невозможно без всякого риска протянуть три месяца с ничтожным сердцебиением. Они не мучились. Сон их сменился смертью, когда Город внезапно продуло сквозняком. Их трупы выносят на свалку. Подобным образом Город каждое утро избавляется от мертвых клеток и прочих отходов.

Как только все пути очищаются от нечистот, в городе насекомых закипает жизнь. Повсюду шевелятся лапки. Хрустят челюсти. Усики подрагивают, принимая сообщения. Все начинается сызнова. Как до усыпляющей зимы.

Пока самец номер 327 возится с веткой, что весит, должно быть, раз в шестьдесят больше, чем он сам, к нему приближается воин, которому от рода больше пятисот дней. Он похлопывает его по голове сегментами-дубинками, желая привлечь внимание. Самец вскидывает голову. Воин прикладывается усиками к его усикам.

Воин хочет, чтобы самец бросил заниматься починкой кровли и отправился вместе с отрядом других муравьев... в охотничью экспедицию.

Он ощупывает его рот и глаза.

Какую еще охотничью экспедицию?

Воин дает ему понюхать шматок засохшего мяса, спрятанного у него в изгибе сустава лапки, возле груди.

Кажется, мы нашли это перед самой зимой в западной области на 23-м градусе по отношению к полуденному солнцу.

Самец пробует мясо на вкус. Это жук, вне всякого сомнения. Точнее – листоед. Чудно. Обычно жуки в это время еще спят. Каждый знает, рыжие муравьи пробуждаются, когда температура воздуха достигает 12 градусов, термиты – при 13 градусах, мухи – при 14 градусах, а жуки – при 15 градусах.

Впрочем, старого воина этот довод несколько не смущает. Он объясняет самцу, что этот шматок из какого-то диковинного края, который обогревается искусственным образом за счет подземного водного источника. Там не бывает зимы. В том краю особый микроклимат, со своей особой флорой и фауной.

И потом, город-Рой всегда пробуждается голодный. Ему срочно требуются белки, чтобы все обитатели пришли в себя. Одного тепла недостаточно.

Самец соглашается.

В состав экспедиции входят двадцать восемь муравьев из касты воинов. Большой частью, как и воин-проситель, это выдавшие виды бесполое особи. Так что самец номер 327 среди них – единственный представитель касты половых особей. Он издали разглядывает остальных.

При наличии тысяч фасеток в глазах муравьи видят не тысячекратно повторяющуюся картинку, а скорее одну, но сетчатую. Детали же эти насекомые различают с трудом. Зато они улавливают малейшие движения.

Разведчики в отряде, все как один, похоже, закалились в дальних походах. Их грузные брюшки заполнены кислотой. Головы закованы в крепчайшую броню. Их доспехи отмечены ударами челюстей, полученными в былых сражениях.

Они продвигаются вперед уже несколько часов. Минуют многочисленные города Федерации, которые поднимаются высоко в небо. Это братские города династии Ни: Йоду-лу-Байкан (крупнейший производитель зерновых); Джули-Экан (чьи легионы бойцов-охотников сокрушили два года назад коалицию термитов с Юга); Зеди-бей-Накан (знаменитый своими химическими лабораториями, которым удалось разработать суперконцентрированные боевые кислоты); Ливиу-Кан (чей кошенильный спирт обладает изысканным смоляным вкусом).

Ведь рыжие муравьи организуются не только в города, но и в коалиции городов. Союз – это сила. Так, в давние времена юрского периода существовали федерации муравьев, состоявшие из 15 тысяч муравейников, – располагались они на площади 80 гектаров и включали популяции общей численностью более 200 миллионов особей.

Бел-о-Кан пока не на таком уровне. Это молодая Федерация – она возникла пять тысяч лет назад. Согласно местным преданиям, ее основательница была девой, заплутавшей во время бури, которая когда-то обрушилась на эти края. Не сумев добраться до своих, она основала Бел-о-Кан, а потом возникла Федерация и появились сотни поколений королей Ни, ее образующих.

Бело-киу-киуни – таково было имя первой королевы. Что означает «заблудшая муравыха». Это имя брали и все другие королевы, располагавшиеся в главном гнезде.

Пока Бел-о-Кан включает большой главный город и 64 братских федеративных города, расположенных на периферии. Но он уже добился признания как крупнейшая политическая сила в этой части леса Фонтенбло.

Когда позади остаются союзные города и, в частности, Ла-шола-Кан, самый западный город Федерации, разведчики выходят к маленьким комьям земли – летним гнездам, или передовым постам. Там еще пусто. Но 327-й знает: скоро, с началом охоты и войн, они заполнятся солдатами.

Дальше они продвигаются по прямой. Их отряд преодолевает обширный бирюзовый луг и холм, окаймленный чертополохом. Они покидают область охотничьих угодий, и вдалеке, на севере, уже виднеется неприятельский город Ши-га-пу. Но в это время его обитатели, должно быть, еще спят.

Муравьи идут все дальше. Большая часть живности кругом все еще пребывает в зимней спячке. Редкие «жаворонки» то тут, то там высовывают головки из норок. Но, увидев рыжую броню, тут же в страхе прячутся обратно. Рыжие муравьи не очень-то дружелюбны. Особенно когда они передвигаются вот так, вооружившись до кончиков усиков.

Вскоре разведчики выходят к пределам неведомых земель. Вокруг больше нет ни одного братского города. Ни одного передового поста на горизонте. Ни одной тропинки, протоптанной остроконечными лапками. Лишь старые, едва уловимые пахучие следы, указывающие, что когда-то здесь проходили белоканцы.

Муравьи в замешательстве. Листья, громоздящиеся передними, не значатся ни на одной обонятельной карте. Они образуют мрачный полог, не пропускающий свет. Эта растительная масса, кишачая живностью, как будто готова их поглотить.

Как же предупредить их, чтобы они туда не совались?

Он положил куртку и обнял своих близких.

– Вы уже все распаковали?

– Да, папа.

– Хорошо. Кстати, а кухню вы осмотрели? Там, в глубине, есть дверь.

– Я как раз собиралась об этом поговорить, – сказала Люси, – там, наверное, подвал. Я пробовала открыть ту дверь, но она заперта на ключ. В ней есть широкая щель. Судя по тому, что я смогла сквозь нее разглядеть, там спуск на глубину. Придется тебе сломать замок. По крайней мере, будет хоть какая-то польза от муженька-слесаря.

Она улыбнулась, прильнула к нему и замерла в его объятьях. Люси с Джонатаном жили вместе уже тринадцать лет. Они встретились в метро. В тот день какой-то хулиган от нечего делать подбросил слезоточивую гранату в вагон поезда. Все пассажиры тут же упали на пол, заливаясь слезами и харкая кровью. Люси и Джонатан повалились друг на друга. А когда они откашлялись и справились со слезами, Джонатан предложил проводить Люси до дома. Потом он пригласил ее в одну из своих утопических общин – в самовольно занятую квартиру в Париже, рядом с Северным вокзалом. Через три месяца они решили пожениться.

– Нет.

– Как это нет?

– Нет, мы не станем ломать замок, обойдемся и без подвала.

– Ты шутишь? Объясни, в чем дело.

Джонатану и в голову не пришло выдумывать вескую причину, почему нельзя спускаться в подвал. Все внезапно обернулось совсем не так, как он думал. Теперь жена с сыном сгорали от любопытства. Что ему было делать? Объяснять, что с дядюшкой-благотелем связана какая-то тайна и что он хотел предостеречь их от опасности, чтобы они не спускались в подвал?

Это не убедит их и будет напоминать пустой запрет. Нужна хоть какая-то логика, иначе Люси и Николая на такое не купятся.

Он буркнул:

– Меня нотариус предупредил.

– Кто предупредил... о чем?

– В подвале полно крыс!

– Фу! Крысы? Но они наверняка смогут пролезть в щель, – возразил мальчуган.

– Не волнуйтесь, мы ее заделаем.

Джонатан был доволен – хорошо, что ему пришла в голову мысль насчет крыс.

– Ладно, договорились, к подвалу никто не подходит, так?

Он направился в ванную. К нему тут же заглянула Люси.

– Ты виделся с бабушкой?

– Именно.

– И на это у тебя ушло целое утро?

– Точно.

– Ты же не собираешься шататься так все время? Вспомни, что ты говорил братьям на ферме в Пиренеях: «Праздность – мать всех пороков». Тебе надо найти работу. У нас кончатся деньги!

– Нам перепала в наследство двухсотметровая квартира в шикарном квартале рядом с лесом, а у тебя на уме моя работа? Неужели ты не умеешь ценить то, что мы имеем!

Он хотел было обнять Люси, но она отшатнулась.

– Нет, умею, а еще я умею думать о будущем. Я нигде не работаю, ты тоже безработный – на что же мы будем жить через год?

– У нас остались накопления.

– Не будь глупцом, нам их хватит на несколько месяцев, а потом... – Она прижала кулачки к бедрам и расправила плечи. – Послушай, Джонатан, ты лишился работы, потому что не хотел выезжать вечером в неблагополучные районы. Ладно, понимаю, но ты мог бы подыскать себе какую-нибудь другую работу!

– Ну конечно, я собираюсь искать работу, только позволь мне немного рассеяться. Обещаю: скоро, скажем, через месяц, я начну размещать объявления.

Вскоре в ванной появилась белокурая головка, а за ней – плюшевая зверушка на четырех лапах. Никола и Уарзат.

– Папа, тут недавно заходил один дядя – хотел забрать какую-то книгу в переплет.

– Книгу? Какую еще книгу?

– Не знаю, он говорил про какую-то большую энциклопедию, ее написал дядюшка Эдмонд.

– Ах, вот оно что... Ты впустил его? Вы ее нашли?

– Не-а, с виду он был не очень-то любезный, да и книги такой тут все равно нет...

– Молодец, сынок, ты все правильно сделал.

Новость эта поначалу озадачила Джонатана, а потом заинтересовала. Он перерыл весь огромный полуподвал – тщетно. Затем ненадолго задержался на кухне – осмотрел дверь в подвал, большущий замок и широкую щель на ней. Какая же тайна за ней скрывалась?

Нужно проникнуть в эту чашу.

Один из опытных разведчиков дает совет. Следует перестроиться в порядок «Большоголовая змея» – это лучший способ передвижения по опасной местности. Мгновенное согласие – все поддержали его мнение.

Впереди пятеро разведчиков выстраиваются перевернутым треугольником – им предстоит быть глазами отряда. Они изучают почву, делая мелкие шажки, нюхают воздух, осматривают мхи. И, если все в порядке, посылают обонятельный сигнал, который означает: «Впереди чисто!» Затем они возвращаются в конец вереницы, а их сменяют «новенькие». Благодаря такой сменяемости отряд превращается в подобие вытянутого животного с неизменно сверхчувствительным «носом».

Сигнал «Впереди чисто!» звучит четко двадцать раз. Двадцать первый прерывается нестройным тошнотворным посылом. Кто-то из разведчиков по недосмотру приблизился к хищному растению. Это мухоловка. Муравья привлек пьянящий аромат, и он увяз лапками в ее смоле.

Все, конец. Контакт с волосками запускает органический шарнирный механизм. Два широких сочлененных листка неумолимо захлопываются. Их длинные реснички по краям подобны зубам. Сцепляясь, они превращаются в крепкую решетку. Когда жертва целиком расплющивается, растение-хищник выделяет разрушительные ферменты, способные переварить даже самые твердые панцири.

Таким образом, муравей буквально растворяется. Тело его превращается в пенящийся сок. От него исходит запах тревоги.

Но помочь ему уже ничем нельзя. Таковы превратности любого дальнего похода. Остается только оставить на подступах к естественной ловушке сигнал: «Осторожно, опасность!»

Муравьи снова выходят на пахучую тропу, забыв о случившемся. Феромоновые метки указывают им путь. Одолев чащу, они продвигаются дальше на запад. Все так же, под углом в 23 градуса по отношению к солнечным лучам. Отдыхают они редко – лишь когда становится слишком холодно или слишком жарко. Если они не хотят увидеть, что их дом охвачен боевыми действиями, им нужно торопиться.

По возвращении разведчикам уже случалось становиться свидетелями того, что их город взят в оцепление вражескими полчищами. А прорывать блокаду – дело не из легких.

Все в порядке, они отыскивают феромоновую метку, указывающую вход в пещеру. От земли исходит тепло. Они пробираются в каменистые недра.

Чем глубже они спускаются, тем отчетливее слышат, как где-то внизу клокочет вода. Это теплый источник. Он курится, распространяя сильный запах серы.

Муравьи пьют.

И вдруг они замечают диковинного зверя: он похож на шарик с лапами. На самом деле это жук-навозник – он катит комок из навоза и песка, внутри которого спрятаны его яйца. Подобно легендарному Атланту, он поддерживает свой «мир». Когда поверхность почти пологая, комок катится сам по себе, и жук ползет следом за ним. Когда же уклон становится круче, жук, не поспевая за комком, соскальзывает, и потом ему нередко приходится искать его где-то внизу. Удивительное дело, жук-навозник – и здесь! Это насекомое чаще встречается в теплых краях...

Белоканцы пропускают его. Все равно плоть у него невкусная, а из-за панциря он слишком тяжелый – не унесешь.

По ходу слева пускается наутек черная фигурка – она хочет спрятаться в трещине камня. Это уховертка. Она, наоборот, очень даже вкусная. Самый старый разведчик оказывается проворнее всех. Он прижимает брюшко к шее, занимает исходную позицию для атаки, удерживая равновесие на задних лапах, целится и выпускает издали каплю муравьиной кислоты. Едкий сок, концентрация которого превышает сорок процентов, рассекает воздух.

Попал!

Уховертка подбита на полном ходу. Такая кислота не молочная сыворотка. Она обжигает при дозе сорок промилле, чего уж там говорить о сорока процентах! Насекомое падает как подкошенное, муравьи набрасываются на жертву всем скопом и пожирают обожженную плоть. Осенние разведчики оставили после себя благие феромоны. Здешние места, похоже, богаты дичью. Охота обещает быть доброй.

Они спускаются в артезианский колодец, наводя ужас на неведомых подземных обитателей. Летучая мышь пытается дать отпор незванным гостям, но тотчас обращается в бегство, когда те окутывают ее облаком муравьиной кислоты.

Все последующие дни муравьи прочесывают пещеру, собирая останки белых животных и труху светло-зеленых грибов. С помощью анальной железы они рассеивают феромоновые метки, чтобы их собратья потом могли здесь беспрепятственно охотиться.

Задача выполнена. Территория простерлась за пределы западной чащи. Тяжело груженные съестными припасами на обратную дорогу, они водружают химический флаг Федерации. Запах его разносит по воздуху сигнал: «Бел-о-Кан!»

- Вы можете повторить?
- Уэллс, я племянник Эдмонда Уэллса.
Дверь открывается – за ней стоит двухметровый верзила.
- Господин Джейсон Брейгель?.. Простите за беспокойство, мне хотелось бы поговорить с вами о моем дядюшке. Я не знал его, а моя бабушка сказала, что вы были его лучшим другом.
- Входите же... Что рассказать вам об Эдмонде?
- Все. Я его практически не знал, о чем сожалею...
- Гм... Понимаю. Как бы то ни было, Эдмонд принадлежал к числу людей, которых можно назвать живой тайной.
- Вы хорошо его знали?
- Разве можно утверждать, что ты кого-то знал? Мы с ним, так сказать, шли по жизни бок о бок и не видели в том никаких неудобств.
- Где вы познакомились?
- На биологическом факультете. Я много работал с растениями, а он – с бактериями.
- Снова два параллельных мира.
- Да, кроме того, что мой все же более дикий, – поправил Джейсон Брейгель, показывая на множество вечнозеленых растений, заполонивших столовую. – Видите? Все они соперники и готовы изничтожить друг дружку в борьбе за лучик света или каплю воды. Как только листок попадает в тень, растение сбрасывает его, и соседние листья начинают разрастаться. Растительный мир не ведает жалости...
- А бактерии Эдмонда?
- По его словам, он изучал только своих предков. Скажем, он взобрался на свое генеалогическое древо чуть выше обычного уровня...
- Но почему бактерии? А не обезьяны или рыбы?
- Ему хотелось понять, что представляет собой клетка в самой начальной стадии. По его мнению, человек – всего лишь сумма клеток, и нужно досконально понять «психологию» одной клетки, чтобы познать, как действует все в целом. «На самом деле большая сложная задача не более чем собрание маленьких простых задач». Это изречение он понимал буквально.
- Он работал только с бактериями?
- Нет-нет. Он был своего рода мистиком, настоящим универсалом и хотел все знать. Были у него и кое-какие причуды... к примеру, ему хотелось научиться управлять собственным сердцебиением.
- Но это невозможно!
- А вот некоторым индийским и тибетским йогам такое, кажется, вполне под силу.
- Зачем это нужно?
- Почем я знаю... Ему хотелось добиться этого, чтобы иметь возможность свести счеты с жизнью, остановив свое сердце по собственной воле. Он думал, что таким образом сможет выйти из игры в любое время.
- Но какой в этом смысл?
- Возможно, ему не хотелось страдать в старости.
- Гм... А чем он занимался после того, как защитил докторскую по биологии?
- Пошел работать в частный сектор – в компанию, производящую живые бактерии для йогуртов. В корпорацию «Свежее молоко». Дела у него шли прекрасно. Он открыл бактерию, способную вырабатывать не только вкус, но и аромат! В 63-м ему присудили за это премию как лучшему изобретателю...
- А потом?

– Потом он женился на китайке. Линг-ми. Доброй, веселой девушке. Он и сам вмиг подобрел, хотя раньше был брюзга брюзгой. Он был влюблен по уши. После этого я виделся с ним все реже. Обычное дело.

– Я слышал, что он уехал в Африку.

– Да, но это было после.

– После чего?

– После трагедии. У Линг-ми обнаружили лейкоз. Рак крови, смертельную болезнь. Она угасла за три месяца. Бедняга... он открыто заявлял, что только клетки заслуживают внимания, а люди сами по себе ничтожны... урок был жестокий. И он ничего не смог поделать. Наряду с этой бедой у него начались разногласия с сослуживцами в корпорации «Свежее молоко». Он оставил работу, впал в прострацию и заперся у себя в квартире. Линг-ми вернула ему веру в человечество, а после потери жены он снова стал сущим человеконенавистником.

– Так он отправился в Африку, чтобы забыть Линг-ми?

– Возможно. Во всяком случае, он очень надеялся залечить рану, погрузившись с головой в занятие биологией. Ему пришлось найти себе новую увлекательную тему. Какую точно, не скажу, но к бактериям это уже не имело никакого отношения. И в Африке он обосновался, пожалуй, потому, что эту тему там было проще разрабатывать. Он прислал мне открытку – писал, что сошелся с командой из НЦНИ¹ и теперь работает с профессором Розенфельдом. Не знаю такого господина.

– А потом вы виделись с Эдмондом?

– Да, однажды, случайно, на Елисейских Полях. Немного поговорили. К нему явно вернулся вкус к жизни. Только на все мои вопросы отвечал он довольно уклончиво, словно избегал говорить на профессиональные темы.

– Кажется, он еще написал энциклопедию.

– Да, старая история. Это была его великая задумка. Собрать все знания в одном труде.

– Вы видели ее?

– Нет. И думаю, он никому ее не показывал. Я знаю Эдмонда, он точно спрятал свое детище где-нибудь в глуши Аляски поближе к огнедышащему дракону, чтобы тот его сторожил. В таких делах он был мастером.

Джонатан уже собирался откланяться.

– Ах да, еще один вопрос: вы знаете, как сложить четыре равносторонних треугольника из шести спичек?

– Разумеется. Это был его любимый тест на интеллект.

– В таком случае какова же разгадка?

Джейсон рассмеялся в голос.

– А вот этого я вам точно не скажу! Как говаривал Эдмонд, «каждый сам должен найти свой путь». Вот увидите, отгадаете – почувствуете себя на седьмом небе.

С мясными припасами на спине обратная дорога кажется длиннее. Отряд движется бодро, чтобы не оказаться захваченным врасплох, ведь ночью особенно опасно.

С марта по ноябрь муравьи способны трудиться по двадцать четыре часа в сутки без малейшей передышки; однако с понижением температуры ощущения их притупляются. Вот почему они редко отправляются в походы больше чем на день.

В городе муравьев давно пытались разрешить эту проблему. Все знали – необходимо расширять охотничьи угодья и исследовать далекие земли, где растут другие растения, где живут другие животные и бытуют другие нравы.

¹ Национальный центр научных исследований. – Здесь и далее примеч. пер.

В восемьсот пятидесятом тысячелетии у Би-стин-га, рыжей королевы из династии Га (восточной династии, оборвавшейся сто тысяч лет назад), возникло честолюбивое желание обследовать «пределы» мира. Она отрядила не одну сотню экспедиций в разные части света. И ни одна из них так и не вернулась назад.

Нынешняя королева, Бело-киу-киуни, была не такой пытливой. Она довольствовалась открытием золотистых жучков, похожих на драгоценные камни (они встречаются далеко на Юге), и созерцанием хищных растений, которые ей иногда доставляли в живом виде с корнями и которые она все надеялась когда-нибудь приручить.

Бело-киу-киуни понимала, что лучший способ исследовать новые земли – еще больше расширить Федерацию. Поэтому при ней снаряжалось все больше дальних экспедиций, строилось все больше братских городов и закладывалось все больше передовых постов, ну а со всеми, кто пытался воспрепятствовать этому расширению, велись войны.

Конечно, завоевание крайних пределов мира – история долгая, но подобная политика мелких упорных шагов находилась в полном соответствии с общей философией муравьев. «Медленно и только вперед».

Ныне Белоканская цивилизация насчитывала 64 братских города с одним запахом. Эти города связаны 125-километровой сетью проторенных троп и пахучих дорожек протяженностью 780 километров. Все эти 64 города объединяются, если приходится воевать или наступает пора голода.

Модель городской цивилизации позволяла некоторым городам специализироваться. И Бело-киу-киуни даже мечтала, что когда-нибудь один город будет обрабатывать зерновые, другой – мясо, а третий займется только военными делами.

Но до этого было еще далеко.

Во всяком случае, такая модель соответствовала другому принципу общей философии муравьев. «Будущее принадлежит специалистам».

До передовых постов разведчикам еще далеко. Они ускоряют ход. И, когда проходят мимо хищного растения, какой-то воин предлагает вырвать его с корнем и доставить Бело-киу-киуни.

Они совещаются, сцепившись усиками. Они спорят, испуская и улавливая крохотные летуче-пахучие молекулы, феромоны. По сути, гормоны, которые вырабатывают их тела. Одну такую молекулу можно было бы представить в виде круглого аквариума, где каждая рыбка – своего рода слово.

С помощью феромонов муравьи общаются, при этом их общение окрашивается практически бесконечным множеством оттенков. Судя по нервному подрагиванию усиков, спорят они, похоже, горячо.

«Это довольно хлопотно».

«Матери незнаком этот вид растений».

«У нас возможны потери, а чтобы нести добычу, нужны по крайней мере свободные лапы».

«Если нам удастся приручить хищные растения, мы превратим их в настоящее оружие и сможем удерживать фронт, высадив их в несколько рядов».

«Мы устали, а скоро ночь».

Они решают отказаться от этой затеи, огибают растение и следуют дальше. Когда отряд приближается к цветущему перелеску, самец номер 327, идущий в хвосте, замечает красную маргаритку. Такого он еще никогда не видел. Раздумывать нечего.

«Не вышло с мухоловкой, попробуем прихватить это».

Он на мгновение отстает и осторожно срезает стебель цветка. *Чик!* Потом, крепко прижимая к себе сокровище, устремляется вдогонку за товарищами.

Только товарищей его больше нет. Первая экспедиция нового года, конечно, прямо перед ним, но вот только в каком состоянии... Эмоциональное потрясение. Стресс. У 327-го дрожат лапы. Все его спутники лежат мертвые.

Что стряслось? Налет был сокрушительный. Они даже не успели занять боевую позицию – все так и лежат в порядке «Большеголовая змея».

Самец осматривает тела. Не было выпущено ни единой кислотной струи. У рыжих муравьев даже не было времени испустить феромоны тревоги.

Номер 327 производит осмотр. Обонятельный контакт. Нет ни одной отмеченной химической картинке. Они шли себе, шли, и вдруг – обрыв связи.

Надо разобраться, надо понять. Должно же быть объяснение! Первым делом – очистить сенсорный механизм. С помощью пары изогнутых коготков на передней лапе он скоблит лобные отростки, счищая с них кислотную пену, образовавшуюся, как только он испытал стресс. Самец наклоняет их ко рту и облизывает. Потом обтирает шпоровой щеточкой, которую изобретательная природа поместила в верхней части его третьего локтя.

Вслед за тем он подносит чистые усики к глазам и осторожно настраивает их на частоту 300 колебаний в секунду. Ничего не происходит. Он увеличивает частоту: 500, 1000, 2000, 5000, 8000 колебаний в секунду. Его приемная мощность усиливается на две трети.

Он начинает улавливать даже самые слабые испарения, витающие в округе: аромат росы, пыльцы, спор и тот едва ощутимый запах, который он уже почувствовал, но определить не смог.

Номер 327 еще больше увеличивает частоту. Максимальная мощность – 12 тысяч колебаний в секунду. Дрожащие усики вызывают слабые всасывающие потоки воздуха, которые гонят к нему пыль со всех сторон.

Есть! Он узнал тот легкий запах. Запах виновников. Ну конечно, это они, беспощадные соседи с Севера, доставившие им столько хлопот в минувшем году.

Это карликовые муравьи из Ши-га-пу...

Стало быть, и они уже пробудились. Должно быть, они устроили засаду и применили какое-то новое сокрушительное оружие.

«– Их всех убил лазерный луч высочайшей мощности, шеф.

– Лазерный луч?

– Да, новое оружие, способное расплавить на расстоянии самый большой из наших кораблей. Шеф...

– Вы полагаете, это...

– Да, шеф, такое под силу только венерианцам. Ясное дело.

– В таком случае репрессивные меры будут жестокими. Сколько у нас осталось боевых ракет в поясе Ориона?

– Четыре, шеф.

– Маловато, нужно будет запросить помощь у войск поддержки...»

– Может, тебе еще супу?

– Нет, спасибо, – сказал Николая, совершенно зачарованный картинками.

– Ладно, тогда смотри в тарелку, не то выключим телевизор!

– Мам, ну пожалуйста...

– Тебе еще не надоели эти истории про зеленых человечков и про планеты с названиями стиральных порошков? – спросил Джонатан.

– А мне интересно. Уверен, когда-нибудь мы точно встретимся с инопланетянами.

– Вот еще!.. Эка хватил!

– К ближайшей звезде уже послали зонд – «Марко Поло» называется, так что скоро мы узнаем, кто наши соседи.

– Его ждет полный провал, как и все другие зонды, которые уже отправили загрязнять космос. Говорю же, это очень далеко.

– Может, и так, но кто тебе сказал, что они, инопланетяне, первыми не прилетят к нам? В конце концов, все свидетельства об НЛО так до сих пор и не изучены.

– И все же. К чему нам встречаться с другими цивилизациями? Разве ты не находишь, что у землян полно своих проблем – когда-нибудь мы неизбежно друг дружку переколотим.

– Это же экзотично! У нас появится столько новых мест, куда можно будет отправиться на каникулы.

– И новых хлопот потом не оберешься, что самое главное. – Он взял Николая за подбородок. – Ладно, малыш, сам увидишь, когда подрастешь, ты будешь рассуждать, как я: единственное по-настоящему увлекательное живое существо, чей разум действительно отличается от нашего, – это... женщина!

Люси для вида зароптала. И они втроем рассмеялись. Николай насупился. Наверное, у взрослых такой юмор... И его рука заскользила в поисках шерстки собаки, чье присутствие действовало на него успокаивающе.

Но пса под столом не было.

– Куда же подевался Уарзазат?

Не было его и в столовой.

– Уарзи! Уарзи!

Николай сунул пальцы в рот и свистнул. Обычно результат не заставлял себя долго ждать: раздавался лай, а затем слышалось шлепанье лап. Он свистнул еще раз. Тишина. Николай пустился обшаривать многочисленные комнаты квартиры. Родители последовали за ним. Пса нигде не было. Дверь была закрыта. Сам выбраться из дома он не мог: собаки пока еще не умеют пользоваться ключами.

Они в растерянности направились в кухню – точнее, к двери в подвал. Щель так и не заделали. И она была достаточно широкая, чтобы в нее могло пролезть животное размером в Уарзазата.

– Он там, точно говорю, он там! – жалобно простонал Николай. – Надо пойти его поискать.

Словно в ответ на его жалобу из подвала послышалось прерывистое тьяканье. Тем не менее казалось, что оно донеслось откуда-то издалека.

Они втроем подошли к запретной двери. Джонатан запротестовал:

– Папа же сказал, в подвал нельзя!

– Но, милый мой, – сказала Люси, – Уарзи надо найти. Может, на него напали крысы. Ты же сам говорил, там водятся крысы...

Она помрачнела.

– Тем хуже для пса. Завтра пойдем и купим другого.

Мальчонка был ошеломлен.

– Но, папа, я не хочу «другого». Уарзазат мой дружок, ты не можешь просто бросить его умирать.

– Да что с тобой? – прибавила Люси. – Дай я пойду, если ты боишься!

– Ты боишься, папа, ты трусил?

Джонатан, уже не в силах сдержаться, процедил сквозь зубы: «Ладно, я сам пойду посмотрю» – и отправился за электрическим фонариком. Он осветил в щель. Темнота была кромешная, всепоглощающая.

Он вздрогнул. Ему хотелось одного – убежать прочь. Но жена с сыном подталкивали его к этой бездне. В голову полезли горькие мысли. Страх темноты взял над ним верх.

Николай разрыдался:

– Он умер! Я точно знаю, умер! И все из-за тебя.

– Может, он только ранен, – утешила сына Люси, – нужно сходить посмотреть.

Джонатан вспомнил предостережение Эдмонда. Оно читалось как приказ. Что же делать? Однажды кто-нибудь из них точно не выдержит и заглянет туда. Надо брать быка за рога. Сейчас или никогда. Он провел рукой по взмокшему лбу.

Нет, тянуть нельзя. Наконец-то ему представился случай справиться со своими страхами, сделать решительный шаг, встретить опасность лицом к лицу. А что, если тьма поглотит его? Тем лучше. Он готов был проникнуть в самую суть вещей. Во всяком случае, терять ему было больше нечего.

– Я пойду!

Сходив за инструментами, он взломал замок.

– Что бы ни случилось, оставайтесь на месте и, главное, – не пытайтесь лезть за мной или звонить в полицию. Слышите?

– Какие странные вещи ты говоришь. В конце концов, это подвал, обычный подвал, как во всех домах.

– Я в этом не уверен...

Освещенный оранжевым овалом заходящего солнца, 327-й самец, последний уцелевший из первой весенней охотничьей экспедиции, семенит в одиночестве. В невыносимом одиночестве.

Он уже давно шлепает лапами то по лужам, то по грязи, то по прелым листьям. Ветер иссушил его жвалы. Пыль облепила тело янтарным наростом. Он уже не чувствует мышц. Большинство коготков у него сломано.

Но в конце пахучей тропы, по которой он пустился, уже маячит цель. Среди холмиков, являющих собой города Федерации, все отчетливее выделяется один – огромная пирамида Бел-о-Кан, столица, благоуханный маяк, который манит его и притягивает.

Наконец 327-й добирается до подножия величественного муравейника и вскидывает голову. Город его стал еще больше. Началось строительство нового защитного слоя купола. Вершина горы из веток поглядывает на луну.

Молодой самец какое-то время ищет и вскоре находит на уровне земли знакомый широкий вход и проникает внутрь.

Он как раз вовремя. Все рабочие и солдаты, трудившиеся снаружи, уже вернулись. Стражи готовятся перекрыть выходы, чтобы сберечь тепло внутри. Впрочем, едва он успевает войти в пределы города, как каменщики берутся за дело и дыра за ним закрывается. Почти с треском.

Ну вот, нет больше Внешнего мира, холодного и жестокого. Самец номер 327 возвращается в цивилизацию. Теперь он может раствориться в успокаивающем Рое. Он больше не одинок. Он среди других.

Приближаются часовые. Под наростом пыли они не признают его. Он тут же распространяет опознавательные запахи, и часовые успокаиваются.

Кто-то из рабочих улавливает запах усталости. И предлагает ему поесть – совершить ритуал окормления.

У каждого муравья имеется в брюшке своеобразный карман, по сути, второй желудок, не переваривающий корм. Общественный желудок. Муравей может хранить в нем пищу так, что она остается свежей и невредимой. Потом он срыгивает ее в обычный – «переваривающий» желудок. Или же выплевывает ее и в качестве дара передает кому-нибудь из сородичей.

Жесты при этом всегда одни и те же. Муравей-даритель обращается к избраннику, которого хочет накормить, похлопывая его по голове. Если тот, к кому обращаются, согласен, он опускает усики. А если избранник вскидывает их высоко, значит, он отказывается – поскольку на самом деле не голоден.

Самец номер 327 не колеблется. Запасы калорий у него настолько истощились, что он едва не падает замертво. Муравьи соединяются ртами. Пища поднимается. Даритель сперва отрывает слюну, потом медвяную росу и зерновую кашу. Это вкусно и действует укрепляюще.

Вскармливание заканчивается – самец тотчас высвобождается. И все вспоминает. Мертвецов. Засаду. Нельзя терять ни мгновения. Он вскидывает усики и распыляет вокруг сообщение мельчайшими капельками.

«Тревога! Это война. Карлики истребили нашу первую экспедицию. У них есть новое гибельное оружие. Боевая тревога! Война объявлена».

Часовой выдвигается вперед. Сигналы тревоги пробуждают его разум. Вокруг 327-го самца собирается целая ватага муравьев.

«Что такое?»

«Что случилось?»

«Он говорит, что объявлена война».

«У него есть доказательства?»

Муравьи сбегаются отовсюду.

«Он говорит о каком-то новом оружии и о погибшей экспедиции».

«Дело серьезное».

«У него есть доказательства?»

Самец теперь находится в центре несметного скопища муравьев.

«Тревога, тревога, объявлена война, боевая тревога!»

«У него есть доказательства?»

Эту пахучую фразу подхватывают все.

Нет, у него нет никаких доказательств. Он был до того потрясен, что не подумал захватить их с собой. Шевелятся усики. Муравьи в сомнении покачивают головами.

«Где это случилось?»

«К западу от Ла-шола-Кана, между новым местом охоты, которое обнаружили разведчики, и нашими городами. Ту зону часто обходят дозором карлики».

«Это невозможно, вернулись наши лазутчики. Они твердо стоят на своем: карлики еще не пробудились!»

Эту феромоновую фразу испустил чей-то усик. Муравьиное скопище рассыпается. Одни верят неизвестному. Другие – нет. Конечно, в сообщении 327-го есть доля правды, только рассказ его кажется уж очень сомнительным. Весенние войны никогда не начинаются так рано. Карлики повели бы себя безрассудно, если бы совершили нападение в то время, когда даже не все из них пробудились. Каждый возвращается к своим делам, так и не прислушавшись к предупреждению 327-го самца.

Единственный уцелевший из первой охотничьей экспедиции потрясен. Не придумал же он этих мертвецов, черт возьми! В конце концов они сами увидят, что ряды одной из каст поредели.

Его усики безвольно поникают. Он переживает унижительное чувство, что жизнь его прошла зря. Как будто жил он не ради других, а ради себя.

При мысли об этом его охватывает дрожь. Он бросается вперед, подбегает, точно в лихорадке, к рабочим и призывает их в свидетели. Они не приостанавливают работу, даже когда он изрекает с расстановкой как заклинание:

*В разведке я был ходок,
На месте зорек был,
А дома пугалом стал.*

Но всем на него наплевать. К нему не прислушиваются. И, как ни в чем не бывало, муравьи разбредаются кто куда. Хватит ему всех пугать!

Джонатан уже четыре часа как спустился в подвал. Жена с сыном не находили себе места.

– Мам, может, позвоним в полицию?

– Нет, еще рано.

Люси подошла к двери в подвал.

– Папа умер? Ну скажи, мам, папа умер так же, как Уарзи?

– Да нет же, нет, милый, что за глупости ты говоришь!

Люси умирала от страха. Она наклонилась, чтобы глянуть в щель. В свете мощного галогенового фонаря, который Люси купила недавно, она смогла разглядеть чуть дальше... винтовую лестницу.

Она опустилась на пол. Никола подсел к ней, и она обняла его.

– Он вернется, надо набраться терпения. Он просил нас подождать, вот и давай подождем немного.

– А что, если он больше не вернется?

Номер 327 устал. Ему кажется, что он барахтается в воде, копошится, но все без толку.

Он решает обратиться лично к Бело-киу-киуни. Возраст Матери насчитывает сорок четыре зим, и у нее огромный опыт, тогда как бесполое муравьи, составляющие большинство обитателей Бел-о-Кана, живут от силы три года. Только королева способна найти способ, как распространить полученные им сведения.

Молодой самец выбирается на главную магистраль, что ведет в центр города. Тысячи и тысячи рабочих, груженных яйцами, снуют по этой широкой галерее. Они перетаскивают свою поклажу с подземного сорокового яруса в ясли-солярии, расположенные на тридцать пятом ярусе над землей. Нескончаемый поток заключенных в белую оболочку катышей на кончиках лап муравьев течет снизу вверх и справа налево.

Номеру 327 приходится продираться против потока. Это нелегко. Он толкает двух-трех кормилиц, которые тут же обзывают его варваром. Его тоже задевают, он замирает на месте, его отгалкивают, царапают. К счастью, проход забит не полностью. И ему удастся пробиться сквозь плотную муравьиную массу.

Затем он следует узкими туннелями – так хоть и дальше, зато не столь изнурительно, и он прибавляет ходу. Магистрали переходят в мелкие артерии, артерии – в жилы и прожилки. Так он одолевает коридор за коридором, перебираясь через мосты и арки, через пустые и переполненные площади.

Он отлично ориентируется во тьме благодаря трем лобным глазкам, способным видеть в инфракрасном свете. По мере приближения к Запретному городу все отчетливее ощущается сладковатый запах Матери, все больше стражей встречается на пути.

Это представители самых разных подкаст воинов, отличающихся размерами и вооружением. Коротышки с длинными зазубренными челюстями; здоровяки, закованные в нагрудную броню, твердую, как дерево; приземистые крепыши с короткими усиками; стрелки, чьи заостренные брюшки полны парализующего яда.

Самец номер 327, обладающий особым опознавательным запахом, своего рода пропуском, без труда проходит все посты проверки. Солдаты спокойны. Чувствуется, что территориальные войны еще не начинались.

Оказавшись почти у цели, самец подает опознавательные сигналы муравьям-привратникам и проникает в последний проход, ведущий в королевские покои.

Он останавливается на пороге, пораженный красотой этого места, единственного в своем роде. Это большое круглое помещение, построенное по сложнейшим законам архитектуры

и геометрии, которое королевы-матери передают своим дочерям по наследству – от усика к усика.

Размеры главного свода – двенадцать голов в высоту и тридцать шесть в диаметре (голова – единица измерения в Федерации, равная трем миллиметрам в обычной человеческой системе единиц). Этот храм насекомых поддерживают пилястры из редких видов цементирующих глин, а пол имеет вогнутую форму – таким он был задуман для того, чтобы пахучие молекулы, испускаемые отдельными особями, не впитывались в стены, а, отражаясь от них, накапливались внизу и сохранялись как можно дольше. Это замечательный феромоновый амфитеатр.

В центре зала устроилась дородная дама. Она возлежит на брюшке и время от времени простирает лапу к желтому цветку. Цветок иногда резко схлопывается. Но она успевает отдернуть лапу.

Эта дама и есть Бело-киу-киуни – последняя королева рыжих муравьев, правительница их столицы.

Бело-киу-киуни – единственная в своем роде мать, прародительница всех обитателей Города.

Бело-киу-киуни, правившая еще во времена великой войны с пчелами, в период покорения термитников на Юге, в эпоху усмирения паучьих земель и грозной войны с дубовыми шершнями, год назад сплотила силы городов, чтобы дать отпор муравьям-карликам на северных пределах.

Бело-киу-киуни – первая среди долгожительниц.

Бело-киу-киуни – его мать.

Вот она, живая легенда, совсем рядом, как когда-то. Только теперь ее омывают и обхаживают два десятка подневольных рабочих, а ведь было время, когда именно он, 327-й, оглаживал ее своими тогда еще неловкими лапками.

Молодое хищное растение клацает челюстями – Мать испускает слабую пахучую жалобу. Откуда у нее такая страсть к растениям-хищникам, никому не ведомо.

Номер 327 приближается к ней. Она совсем не красавица. У нее вытянутая спереди голова с парой огромных выпуклых глаз, которые, кажется, глядят сразу во все стороны. А ее инфракрасные глазки теснятся в середине лба. Зато усики раздвинуты очень широко. Они непомерно длинные, довольно легкие и коротко подрагивают, при том что она ими, как видно, отлично управляет.

Бело-киу-киуни уже несколько дней как вышла из глубокого сна и с тех пор неустанно откладывала яйца. Ее брюшко, ставшее раз в десять больше обычного, содрогается от непрерывных схваток. В это самое время она как раз откладывает восемь хлипких светло-серых, отливающих перламутром яиц – последнее поколение белоканцев. Липкие комочки, живое воплощение будущего, высвобождаются из ее чрева и скатываются в камеру, где их тут же берут на попечение кормилицы.

Молодой самец узнает запах этих яиц. Это бесплодные солдаты и самцы. Сейчас холодно, и железа, производящая «девочек», пока бездействует. Как только позволят условия, Мать начнет откладывать яйца для каждой касты в зависимости от точно выверенных потребностей Города. Рабочие скоро доложат ей, «сколько не хватает дробильщиков зерновых или стрелков», и она произведет тех и других в соответствии с необходимостью. Бывает и так, что Бело-киу-киуни выбирается из своих покоев и отправляется обнюхивать проходы. У нее очень чувствительные усики – она способна уловить, чего недостает той или иной касте, и исправить ситуацию незамедлительно.

Мать производит на свет еще пять чахлах комочков, после чего поворачивается к посетителю. Она ощупывает его и облизывает. Соприкосновение с королевской слюной всегда событие исключительное. Эта слюна не только универсальное дезинфицирующее средство, но и настоящая панацея от любых ран, кроме разве что внутренних повреждений головы.

Даже если Бело-киу-киуни не удастся признать личность одного из своих бесчисленных отпрысков, посредством такой слюнной процедуры она показывает, что узнала его по запаху. Стало быть, он свой.

Теперь можно начинать общение с помощью усиков.

«Добро пожаловать в родильную муравейника. Ты оставил меня, но вернуться можешь всегда».

Ритуальное обращение матери к своим чадам. Передав ему это, она втягивает в себя феромоны одиннадцати его сегментов с полной невозмутимостью, что не может не впечатлить 327-го... Она уже догадалась о цели его прихода... Первая экспедиция, отправленная на Запад, полностью уничтожена. В районе места, где произошла катастрофа, витают запахи муравьев-карликов. Должно быть, они действительно открыли некое тайное оружие.

*В разведке он был ходок,
На месте зорек был,
А дома пугалом стал.*

Ясное дело. Вся загвоздка в том, что ему не удастся расшевелить других. Его феромоны никого не убеждают. Он полагает, что только она, Бело-киу-киуни, знает, как разнести весть о нависшей угрозе и поднять тревогу.

Мать обнюхивает его с особым тщанием. Она улавливает мельчайшие летучие молекулы, исходящие от его сочленений и лап. Да, они помечены следами смерти и тайны. Похоже, это война... А может, нет.

Мать сообщает ему, что, как бы там ни было, она не обладает политической властью. В муравейнике все решения принимаются на основе всеобщего согласия путем формирования рабочих групп, рассматривающих различные предложения. Если он не способен возбудить один из таких нервных центров, иначе говоря, создать такую группу, опыт его бесполезен.

Она ничем не может ему помочь.

Номер 327 стоит на своем. Раз уж перед ним слушательница, которая, кажется, готова внимать ему до конца, он, набравшись смелости, пускает в ход свои самые веские доводы-феромоны. По его разумению, эта беда должна стать первоочередной заботой Города. Необходимо незамедлительно отрядить лазутчиков – пусть разузнают, что это за тайное оружие.

Бело-киу-киуни отвечает, что в Бел-о-Кане хватает «первоочередных забот». Еще не полностью завершилось весеннее пробуждение, да и покров Города не достроен. А пока не будет уложен последний защитный слой из веток, отправляться на войну рискованно. К тому же муравьям сейчас не хватает ни белков, ни глюкозы. Наконец, уже надобно думать о подготовке к празднику Возрождения. Все это требует живейшего участия каждого обитателя Города. Даже лазутчики сейчас заняты сверх всякой меры. Вот почему его сигналу тревоги никто не придает значения.

Пауза. Слышно только, как шелестят губами рабочие, облизывающие панцирь Матери, в то время как она вновь принимается теревить хищное растение. Она изгибается, прижимая брюшко к груди. Две ее задние лапы свисают. Она живо отдергивает лапу, едва растение успевает захлопнуть челюсти, и призывает 327-го в свидетели, говоря, что из этого хищника могло бы получиться грозное оружие.

«Можно было бы воздвигнуть стену из хищных растений, чтобы защитить наш северо-западный предел. Загвоздка лишь в том, что пока эти маленькие чудовища не умеют отличать обитателей Города от чужаков...»

Номер 327 возвращается к теме, которая не дает ему покоя. Бело-киу-киуни спрашивает, сколько воинов погибло во время того происшествия. Двадцать восемь. Все из подкасты воинов-разведчиков? Самец номер 327 утвердительно кивает, говоря, что сам он был един-

ственным самцом в экспедиции. Мать собирается с силами и откладывает поочередно двадцать восемь жемчужинок, похожих одна на другую как две капли воды.

Двадцать восемь муравьев погибли – двадцать восемь яиц их заменят.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ СЛУЧАЙНОСТИ: Однажды чьи-то пальцы коснутся этих страниц, чьи-то глаза скользнут по этим словам, чей-то разум постигнет их смысл.

Я не хочу, чтобы это произошло слишком рано. Ибо это может привести к ужасным последствиям. И сейчас, когда я пишу эти строки, мне приходится бороться с собой, чтобы сохранить мою тайну.

Однако в один прекрасный день кто-то непременно узнает, что же произошло. Даже самые глубоко сокрытые тайны в конце концов всплывают на поверхность озера. Время – их злейший враг.

Кем бы вы ни были, я приветствую вас. Сейчас, когда вы читаете мной написанное, я, вероятнее всего, уже десять, а то и сто лет как мертв. По крайней мере, надеюсь.

Иногда я жалею, что получил доступ к этим знаниям. Но я человек, и, даже если моя взаимосвязь с родом человеческим сейчас почти утрачена, я хорошо осознаю свои обязанности перед ним, тем более потому, что когда-то я родился среди вас, людей мира сего.

Я обязан поведать свою историю.

При ближайшем рассмотрении все истории похожи одна на другую. Сначала возникает тема «становления», которая до поры лежит под спудом. Она переживает кризис. Кризис принуждает ее к развитию. И в зависимости от того, как она себя поведет, ее ждет либо конец, либо дальнейшее совершенствование.

Первая история, которую я собираюсь вам рассказать, касается нашего мира. Потому что мы живем внутри него. И потому что все в нем, большое и малое, подчиняется одним и тем же законам и связано меж собой одними и теми же узлами взаимной зависимости.

К примеру, переворачивая эту страницу, вы трете кончиком пальца целлюлозу бумаги. В результате такого трения происходит незначительное нагревание. Впрочем, самое что ни на есть настоящее нагревание. В бесконечно малом масштабе оно вызывает перескок электрона – он отрывается от своего атома и сталкивается с другой частицей.

И эта частица «относительно» самой себя на самом деле огромна. Так что для нее столкновение с электроном – сущее потрясение. Прежде она была инертной, пустой и холодной. Переворачивая страницу, вы приводите ее в состояние кризиса. Ее иссекают огромные языки пламени. Одним лишь этим движением вы вызвали нечто, и все последствия этого действия вы никогда не узнаете. Возможно, это приведет к рождению миров, населенных людьми, и люди эти откроют металлургию, прованскую кухню и межзвездные путешествия. Они даже могут оказаться умнее нас. Но их никогда бы не было, если бы вам в руки не попала эта книга и если бы ваш палец не вызвал нагревание бумаги именно в этом месте.

Наша вселенная наверняка точно так же находит свое место в уголке книжной страницы, на подошве башмака или в пене из пивной банки во вселенной какой-нибудь другой гигантской цивилизации.

У нашего поколения никогда не будет возможности это проверить. Все, что мы знаем, так это то, что наша вселенная, или, во всяком случае, частица, заключающая в себе нашу вселенную, когда-то давно была пустой, холодной, черной и неподвижной. И потом кто-то или что-то вызвало кризис. Кто-то перевернул страницу,

наступил на камень, смахнул пену с пивной банки. Как бы то ни было, это привело к травме. Наша частица пробудилась. Применительно к нам, насколько известно, это вызвало гигантскую вспышку. Так называемый Большой взрыв.

Каждую секунду в чем-то бесконечно большом, бесконечно малом или бесконечно далеком, быть может, рождается вселенная подобно тому, как пятнадцать миллиардов лет назад это произошло с нашей вселенной.

Только представьте себе это безграничное пространство тишины, которое вдруг пробудилось в результате гигантской вспышки. Зачем кто-то там, наверху, перевернул страницу? Зачем смахнул пивную пену? Какая разница. Как бы то ни было, водород горит, взрывается и обжигает. Гигантский луч света пронизывает чистое пространство. Кризис. Неподвижные тела приходят в движение. То, что до сих пор хранило молчание, начинает издавать звуки.

В первичном огне водород превращается в гелий, чуть более сложный атом по сравнению с ним. Но уже из такого превращения можно заключить первое главное правило игры нашей вселенной: ВСЕ СЛОЖНЕЕ.

Это правило кажется очевидным. И не существует никаких доказательств, что в соседних вселенных дела обстоят иначе. Где-то может быть ВСЕ ТЕПЛЕЕ, или ВСЕ ТВЕРЖЕ, или ВСЕ ЗАБАВНЕЕ.

У нас тоже все может становиться теплее, тверже или забавнее, но это не первичный закон. Это лишь побочные эффекты. Основополагающий же наш закон, вокруг которого объединяются остальные, сводится к одному: ВСЕ СЛОЖНЕЕ.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Номер 327 блуждает по проходам в южной части Города. Он не может успокоиться. Он пережевывает знаменитое речение:

*В разведке он был ходок,
На месте зорек был,
А дома пугалом стал.*

Отчего же все без толку? В чем ошибка? Его буквально переполняют важные сведения. По его разумению, Город потревожен болью, хотя сам того не замечает. И причина этой боли – он. Стало быть, ему и надлежит расшевелить всех.

О, как же удерживать в себе сигнал боли – хранить его в себе, не находя ни одного усика, готового его принять? Ему так хотелось бы избавиться от тяжелого груза – поделиться с другими этим жутким знанием.

Мимо него проскальзывает муравей-тепловестник. Чувствуя, что 327-й подавлен, он думает, что тот еще не до конца пробудился, и предлагает поделиться с ним солнечным теплом. Это придает 327-му немного сил, и он пускает их в ход, чтобы постараться убедить дарителя.

«Тревога, в засаде, устроенной карликами, погибла экспедиция, тревога!»

Но он даже не может настаивать на своей правоте, как было вначале. И муравей-тепловестник уходит как ни в чем не бывало. И все же номер 327 не отступает. Он мчит по проходам, рассылая сигнал тревоги во все стороны.

Кое-где останавливаются воины – они слушают его и даже вступают с ним в беседу, но его история про гибельное оружие кажется совершенно неправдоподобной. Никто и не думает собраться в отряд, способный взять на себя ответственность за выполнение военной задачи.

Удрученный номер 327 шагает дальше.

И вдруг, пробегая по пустынному туннелю четвертого подземного яруса, он улавливает позади какой-то шум. Кто-то следует за ним по пятам.

Самец оборачивается. Он ощупывает инфракрасными глазками проход. Черно-красные пятна. Никого. Странно. Ему, верно, почудилось. Но сзади снова слышится звук шагов. *Шарк... тс-с, шарк... тс-с.* Кто-то, должно быть, прихрамывает на две лапы из шести.

Чтобы в этом убедиться, он сворачивает на каждом перепутье и замирает на месте. Тогда шарканье прекращается. Но стоит ему тронуться с места, как снова слышатся те же звуки: *шарк... тс-с, шарк... тс-с.*

Вне всякого сомнения, его преследуют.

Стоит ему обернуться, как неизвестный тут же прячется. Странное поведение, совершенно необычное. Зачем одной особи Города скрытно преследовать другую? Здесь каждый со всеми заодно, и ему нечего скрывать от кого бы то ни было.

Ощущение чьего-то присутствия не становится слабее. Кто-то все время держится на расстоянии и прячется. *Шарк... тс-с, шарк... тс-с.* Что же делать? Когда самец 327 был еще личинкой, кормилицы учили его сохранять спокойствие перед лицом опасности. Он останавливается и делает вид, будто умывается. Преследователь уже совсем близко. Самец номер 327 почти чувствует его. Притворяясь, будто продолжает чиститься, он шевелит усиками. Так и есть: до него долетают пахучие феромоны преследователя. Это маленький воин-однолеток. От него исходит особый аромат, заглушающий его обычные опознавательные запахи. И определить его не так-то просто. Так вроде бы пахнут камни.

Маленький воин больше не прячется. *Шарк... тс-с, шарк... тс-с...* Теперь 327-й видит его в инфракрасном свете. У него действительно недостает двух лап. Его «каменистый» запах становится все сильнее.

Номер 327 посылает сигнал.

«Кто там?»

Нет ответа.

«Зачем преследуешь меня?»

Нет ответа.

Желая забыть о произошедшем, он отправляется дальше, но вскоре снова улавливает чье-то присутствие – прямо впереди. На сей раз это большой воин. Проход узкий – дальше не пройти.

Повернуть обратно? Это значит столкнуться с хромым, который, впрочем, не отстает от него.

Попался!

Теперь он чувствует: рядом два воина. И от них обоих исходит запах камня. Здоровяк раздвигает длинные резак.

Это ловушка!

Немыслимое дело, чтобы один муравей в Городе хотел убить другого. Может, произошло расстройство иммунной системы? Неужели они не узнали его опознавательные запахи? Неужто принимают за чужака? И в самом деле странно: это все равно, как если бы его желудок решил бы отрезать себе кишечник...

Самец номер 327 усиливает свои опознавательные сигналы.

«Я, как и вы, особь из Города. Мы одно целое».

Это молодые воины – они, должно быть, ошиблись. Но его сигналы их несколько не успокаивают. Хромой коротышка прыгает ему на спину и хватает за крылья, в то время как здоровяк сдавливает челюстями ему голову. Скрутив таким образом пленника, они волокут его на свалку.

Самец номер 327 отбивается. С помощью сегмента полового общения он передает всевозможные чувства, незнакомые даже бесполом особям. Непонимание перерастает в панику.

Чтобы не замараться всякими «отвлеченными» понятиями, хромой, который по-прежнему крепко держится за его мезотон, пускает в ход челюсти и скоблит его усики. Так он считывает все его феромоны, в частности опознавательные запахи. Впрочем, там, куда его волокут, они ему и не понадобятся...

Вся троица с трудом продвигается по проходам, где мало кто бывает. Хромой коротышка по-прежнему методично выполняет работу чистильщика. Он словно не желает оставить ни малейших сведений на голове пленника. Самец уже не отбивается. Он смирился и готовится умереть, замедляя биение своего сердца.

«Откуда столько жестокости, откуда столько ненависти, братья мои? Откуда?»

Ведь все мы – одно, одно целое, а вместе мы – дети Земли и Бога.

Оставим же наши тщетные споры. XXII век либо будет духовным, либо нет. Забудем наши старые распри, причина которых – гордыня и двуличие.

Индивидуализм – вот наш истинный враг! Если брат ваш прозябает в нужде и вы бросаете его умирать с голоду, вы больше недостойны быть частью большого мирового сообщества. Если пропащее существо взывает к вам о помощи и поддержке и вы закрываете перед ним дверь, вы не один из нас.

Знаю я вас, самодовольных любителей роскоши! Вы помышляете только о собственном комфорте и желаете только личной славы и счастья, да, но лишь для самих себя и своих близких.

Я знаю вас, говорю вам. Тебя, тебя, тебя и тебя! Довольно улыбаться перед экранами, я говорю о вещах серьезных. Я говорю о будущем человечества. Так больше продолжаться не может. Такой образ жизни лишен смысла. Мы все расточаем и все разрушаем. Леса вырубаются ради производства одноразовых носовых платков. Отныне все стало одноразовым: столовые приборы, авторучки, одежда, фотоаппараты, автомобили, – да и вы, сами того не замечая, становитесь одноразовыми. Отрекийтесь же от этой формы поверхностной жизни. Вы должны отречься от нее сегодня, иначе вас заставят сделать это завтра.

Идите же к нам, присоединяйтесь к нашей армии правоверных. Все мы воины Господни, братья мои».

Дикторша в кадре: «Эту евангелическую программу предложил вам отец Макдональд из новой Церкви адвентистов сорок пятого дня и корпорация по производству быстрозамороженных продуктов «Свежее молоко». Трансляция велась через спутник системы всемирного телевидения. А сейчас, перед показом научно-фантастического сериала «Гордый пришелец», переходим к рекламе».

Люси, в отличие от Николя, так и не удалось полностью переключиться с тревожных мыслей на телепередачи. Прошло уже восемь часов с тех пор, как Джонатан пропал там, внизу!

Ее рука потянулась к телефону. Он говорил, чтобы они ничего не делали, но вдруг он умер или его там завалило?

Она пока не осмеливалась спуститься вслед за мужем. Сняв телефонную трубку, Люси набрала номер.

– Алло, полиция?

– Я же просил куда не звонить, – послышался из кухни слабый, отрешенный голос.

– Папа! Папа!

Она бросила трубку, в то время как из нее продолжало звучать: «Алло, говорите, сообщите ваш адрес!..» Хлоп!

– Ну да, ну да, это я, не надо было волноваться. Я же говорил, просто спокойно ждите меня.

Не надо было волноваться? Да он шутит!

Джонатан не только держал в руках останки Уарзазата, больше походившие на окровавленную кучу мяса, он и сам преобразился. Казалось, он не был ни напуган, ни подавлен, но при этом улыбался как-то странно. Он словно вдруг состарился или заболел. Горячий взгляд, мертвенно-бледная кожа... он весь дрожал и словно запыхался.

Увидев растерзанное тельце собаки, Николая расплакался. Бедную псинку как будто всю исполосовали бритвой.

Останки положили на разложенную газету.

Николя безутешно оплакивал потерю друга. Все кончилось. Он больше никогда не увидит, как песик прыгает на стенку, услышав слово «кошка». Он больше никогда не увидит, как его питомец, радостно подсакивая, дергает дверные ручки. Друг больше никогда не будет спасать его от здоровущих нахальных немецких овчарок.

Уарзазата больше нет.

– Завтра отвезем его на собачье кладбище Пер-Лашез, – сказал Джонатан. – Купим для него место за четыре тысячи пятьсот франков, ну, понимаешь, чтобы можно было положить там его фотокарточку.

– Ну да! Ну да! – проговорил навзрыд Николая. – По крайней мере, он этого заслуживает.

– А после ходим в Общество защиты животных, и ты выберешь себе другое животное. Может, на этот раз мальтийскую болонку? Они тоже довольно милые.

Люси все никак не могла прийти в себя. Она не знала, с какого вопроса начать. Почему он так задержался? Что произошло с собакой? А что случилось с ним самим? Хочет ли он есть? Неужели ему даже в голову не приходило, что его близкие волнуются?

– Так что там, внизу? – наконец спросила она ровным голосом.

– Ничего, ничего.

– Да ты хоть понимаешь, в каком состоянии вернулся? А собака... Ее как будто провернули через электромясорубку. Что с ней стряслось?

Джонатан приложил грязную руку ко лбу.

– Нотариус был прав: там, внизу, полно крыс. Уарзазата растерзали злобные крысы.

– А как же ты?

Он усмехнулся:

– А я зверь побольше, им не по зубам.

– С ума сойти! Но что ты там делал целых восемь часов? Что же скрывается в глубине этого мерзкого подвала? – воскликнула Люси.

– Не знаю, что там, в самой глубине. Я туда не добрался.

– Ты не добрался до самой глубины!

– Нет, там очень глубоко.

– Ты не смог добраться за восемь часов до глубины... нашего подвала!

– Нет. Я увидел собаку и не стал соваться дальше. Там все было в крови. Понимаешь, Уарзазат дрался отчаянно. Поверить трудно, что маленький песик мог так долго защищаться.

– И где же ты остановился? На полпути?

– Почем я знаю? Во всяком случае, идти дальше я не мог. Мне тоже стало страшно. Сама знаешь, я терпеть не могу ни темноты, ни жестокости. На моем месте любой бы остановился. Нельзя очертя голову нести в неизвестность. И потом, я подумал о тебе, о вас. Ты даже не представляешь, как там... Там так темно! Там смерть.

Не успел Джонатан закончить фразу, как у него задергался левый уголок рта. Люси еще никогда не видела его таким. Она поняла: докучать ему лишними вопросами не стоит. Обняв мужа, она поцеловала его в холодные губы.

– Успокойся, все позади. Мы заделаем эту щель и думать забудем про нее.

Он попятился.

– Нет. Еще ничего не кончилось. Там меня не пустила дальше красная зона. Она никого бы не пропустила. Жестокость – страшная штука, даже когда ее совершают по отношению к животным. Но я не могу сидеть сложа руки, когда до цели совсем рукой подать...

– Ты хочешь сказать, что снова туда собрался?

– Да. Эдмонд прошел, и я пройду.

– Эдмонд, твой дядюшка Эдмонд?

– Он что-то там делал, и я хочу узнать, что именно.

Люси подавила жалобный вздох.

– Пожалуйста, ради любви ко мне и к Николя, не ходи туда больше.

– Я не могу иначе. – У него снова задержался уголок рта. – Я никогда не доводил дела до конца. Всегда останавливался, когда разум подсказывал мне, что близка опасность. И вот, посмотри, в кого я превратился. В человека, наверное, так и не узнавшего, что такое риск, равно как и то, что такое настоящая удача в жизни. Поскольку я останавливался на полпути, мне никогда не удавалось добраться до самой сути вещей. А надо было бы остаться в слесарне и продолжать терпеть издевательства назло начальству. Это было бы своеобразным крещением, я бы узнал, что такое жестокость, и научился с ней справляться. Но вместо этого, чтобы избежать неприятностей, я словно превратился в неискушенного младенца.

– Ты спятил!

– Нет, ты ошибаешься. Просто нельзя всю жизнь провести в коконе. А этот подвал дал мне уникальную возможность сделать решительный шаг. И если я его не сделаю, то никогда не посмею смотреться в зеркало, потому что буду видеть там жалкого труса. К тому же, вспомни, ты сама заставила меня туда пойти.

Он стянул с себя рубашку, запятнанную кровью, и добавил:

– И не уговаривай, это окончательное решение.

– Ладно, тогда я пойду с тобой! – объявила Люси, сжимая в руке фонарик.

– Нет, ты останешься здесь!

Он крепко ухватил ее за запястья.

– Отпусти меня, что это с тобой?

– Прости. Ты просто пойми: этот подвал – мое личное дело. Мой крест и мой путь. И никто не должен в это вмешиваться, слышишь?

У них за спиной Николя все еще плакал над останками Уарзазата. Джонатан отпустил руки Люси и подошел к сыну.

– Полно, успокойся, малыш!

– Мне все надоело, Уарзи больше нет, а вы только и знаете что ссориться.

Джонатану захотелось отвлечь сынишку. Он взял спичечный коробок, достал шесть спичек и выложил их на стол.

– Вот, смотри, сейчас загадаю тебе загадку. Из шести спичек можно сложить четыре равносторонних треугольника. Подумай хорошенько, и непременно найдешь разгадку.

Мальчонка удивился, утер слезы, промокнул нос и тут же принялся раскладывать спички так и эдак.

– И еще один совет: чтобы найти разгадку, нужно думать по-другому. А будешь рассуждать, как все, и у тебя ничего не выйдет.

Николя удалось построить три треугольника. Не четыре. Он поднял свои большие голубые глаза и заморгал.

– Пап, а ты-то сам нашел разгадку?

– Нет еще, но думаю, очень скоро у меня получится.

Джонатан мигом успокоил сынишку, но не жену. Люси метала в его сторону гневные взгляды. А вечером они схлестнулись в ожесточенном споре. Но Джонатан и не подумал рассказать ей про подвал и его тайны.

На следующее утро он встал пораньше и заделал вход в подвал железным листом с большим висячим замком. А единственный ключ от замка повесил себе на шею.

Спасение приходит неожиданно – начинается землетрясение.

Сильный боковой толчок прежде всего приходится на стены. Со сводов, точно из рога изобилия, начинает сыпаться песок. Второй удар обрушивается почти сразу же за первым, потом следует третий, четвертый... Глухие толчки ощущаются все чаще, они так и приближаются к странной троице. Затем прокатывается оглушительный грохот и все начинает ходить ходуном.

Придя в себя после жутких сотрясений, молодой самец снова запускает свое сердце, бьет жвалами обоих мучителей и удирает в зияющий туннель. Он размахивает пока еще недоразвитыми крылышками, силясь прибавить ходу и перепрыгивать через кучи строительного мусора.

При каждом все более сильном толчке он останавливается и пережидает, вжимаясь в пол, пока сойдет очередная песчаная лавина. Кое-где стены обваливаются целиком, преграждая проходы. Рушатся мосты, арочные пролеты и крипты, увлекая за собой миллионы оторопевших обитателей Города.

Повсюду разносятся запахи тревоги первостепенной важности. Феромоны-раздражители заволакивают верхние галереи. Всех, кто их вдыхает, тут же пробивает дрожь, они начинают метаться туда-сюда и испускают куда более резкие запахи. Всеобщее смятение нарастает.

Облако тревоги расплзается, точно туман, разливаясь по венам многострадального Города и проникая в его главные артерии. Чужеродный предмет, проникший в тело Бел-о-Кана, вырабатывает болезненные токсины, которые тщетно пытался выделить молодой самец. Теперь черная кровь, образованная потоками белоканийцев, начинает течь быстрее. Обитатели муравейника выносят яйца из кладок, расположенных поблизости от пострадавшей зоны. Солдаты строятся в боевые порядки.

Когда 327-й самец попадает в широкий проход, наполовину забитый песком и муравьями, толчки прекращаются. Воцаряется тревожная тишина. Все замирают на месте в страхе перед тем, что будет дальше. Поднятые усики подергиваются. Ожидание...

Внезапно недавний навязчивый стук сменяется неясным приглушенным треском. Все чувствуют, как что-то пробивает сложенную из веток облицовку муравейника. Что-то огромное проникает под купол, дробит стены и пробивается сквозь ветки.

Прямо посреди прохода возникает тонкое розовое шупальце. С бешеной скоростью оно хлещет по воздуху и проносится над землей, силясь подцепить как можно больше обитателей Города. Как только солдаты бросаются на шупальце и впиваются в него челюстями, на конце у него вдруг вырастает большущая черная гроздь. Порядком насытившись, длиннющий язык устремляется вверх и исчезает, отправляя кучу муравьев в глотку, потом прицеливается снова, только теперь он еще длиннее и страшнее.

И тут звучит сигнал тревоги второго уровня. Рабочие дробно стучат по земле кончиками брюшек, вызывая к солдатам на нижних ярусах, которые еще не почували беду.

Весь Город содрогается от примитивного барабанного боя. Как будто Город, точно живой организм, тяжело дышит: ох-ох-ох! Бум... бум... бум!.. – отвечает пришелец, который с новой силой долбит по куполу, пытаясь продрасться еще глубже. Муравьи, все как один, жмутся к перегородам в надежде ускользнуть от разъяренного красного змея, который смертоносным хлыстом прохаживается по галереям. Когда добыча кажется слишком скудной, язык становится еще длиннее. А следом за ним вырастает клюв и громадная голова.

Это зеленый дятел! Весенний кошмар... Эти прожорливые насекомоядные птицы продалбливают в кровлях муравьиных городов шурфы глубиной до шестидесяти сантиметров и пожирают городских обитателей.

Времени остается только на то, чтобы объявить тревогу третьего уровня. Некоторые рабочие, в полном исступлении от собственного бессилия, пускаются в пляску страха. Однако движения их совсем неритмичны: они то подпрыгивают, то клацают челюстями, то плюются... Многие муравьи, впав в истерику, мечутся по проходам и кусают все, что шевелится. Таковы пагубные последствия страха: Город, будучи не в силах уничтожить обидчика, в конце концов уничтожает себя сам.

Разрушения прекращаются на верхнем, пятнадцатом, ярусе, но, поскольку была объявлена тревога трех уровней, Город отныне пребывает в состоянии боевой готовности. Рабочие переносят яйца в самые глубокие подземелья, где безопаснее. По пути они встречают спешно перемещающиеся вереницы солдат со вздернутыми челюстями.

Через бесчисленное множество поколений муравьи научились защищаться от подобных бедствий. Невзирая на беспорядочные метания, стрелки собираются в отряды и распределяют меж собой боевые задачи первостепенной важности.

Они окружают дятла, намереваясь поразить его в самое уязвимое место – шею. Затем разворачиваются, занимая положение для стрельбы с короткой дистанции, и нацеливают брюшки на птицу. Огонь! Они напрягаются изо всех сил и выпускают струи суперконцентрированной кислоты.

Птица вдруг чувствует, как ее шею больно сдавливает утыканный иглами обруч. Она бьется, желая высвободиться. Крылья ее застряли в земле, в них вонзились ветки купола. Она снова выбрасывает язык, стараясь поразить как можно больше крохотных врагов.

Первый эшелон атакующих сменяется следующим. Огонь! Дятел резко подскакивает. На сей раз его пронзают не иглы, а шипы. Он отчаянно бьет клювом. Огонь! Брызжет очередная кислотная струя. Птица содрогается, ей уже трудно дышать. Огонь! Кислота разъедает ее нервные окончания – дятел полностью обездвижен.

Огонь прекращается. Отовсюду сбегаются солдаты с огромными челюстями и вгрызаются в раны противника, прожженные кислотой. Тем временем выбравшийся наружу, на полуразрушенную кровлю, легион замечает хвост врага и вгрызается в самую пахучую часть его тела – анальное отверстие. Эти солдаты – инженеры, и они быстро расширяют его и проникают в чрево птицы.

Первой команде удалось прогрызть кожу на горле твари. Когда из ран начинает сочиться красная кровь, передача феромонов тревоги прекращается. Это победа. В разверзшуюся птичью глотку бросаются целые батальоны. Там, в гортани, еще барахтаются живые муравьи. Их спасают.

Вслед за тем солдаты проникают в голову птицы и начинают искать отверстия, чтобы добраться до мозга. Кто-то из рабочих находит путь – сонную артерию. Только нужно выбрать правильную – ту, которая ведет от сердца к мозгу, а не наоборот. Вот она! Четверо солдат проделывают отверстие и кидаются в красную жидкость. Подхваченные кровяным потоком, они вскоре попадают напрямик в межполушарную область птичьего мозга. Цель достигнута – можно вгрызаться в серое вещество.

Дятел, обезумев от боли, мечется из стороны в сторону, но у него больше нет сил сопротивляться противнику, который терзает его изнутри. Один из муравьиных отрядов пробирается в легкие птицы и заливают их кислотой. Дятел заходится безудержным кашлем.

Другие муравьи, целый армейский корпус, проникают в пищевод, чтобы затем пробиться через пищеварительную систему к своим товарищам, которые забрались в чрево птицы через анальное отверстие. Последние споро взбираются все выше по большой ободочной кишке, попутно разрушая все жизненно важные органы птицы, до которых могут дотянуться челюстями. Они врезаются в живую плоть, как обычно вгрызаются в землю, поочередно штурмуя, точно крепости, зоб, печень, сердце, селезенку и поджелудочную железу.

Порой где-то случайно и совсем некстати брызжет кровь или лимфа, топя некоторых воинов. Впрочем, такое случается с самыми неловкими, которым невдомек, что в иных местах грызть нужно с оглядкой.

Остальные методично продираются сквозь черно-красную плоть. Они ловко уворачиваются тут и там, чтобы их не раздавило, когда у птицы начинаются мышечные спазмы. Они стараются обгибать участки, заполненные желчью или желудочным соком.

Оба войска наконец встречаются в области почек. Птица, однако, все еще жива. Сердце ее, иссеченное муравьиными челюстями, по-прежнему нагнетает кровь в разорванные сосуды.

Не дожидаясь последнего вздоха жертвы, рабочие, выстроившись в цепочки, передают друг дружке еще трепещущие шматы птичьей плоти. Ничто не выдерживает натиска этих крохотных хирургов. Когда они начинают кромсать мозг, дятла сковывает судорога – это конец.

Весь город собирается на разделку туши чудовища. Проходы заполняются суетливыми муравьями – одни растаскивают на сувениры перья, другие – пух.

Уже взялись за работу бригады строителей. Им предстоит заново возвести купол и отремонтировать поврежденные туннели.

Издали могло бы показаться, что муравьи поедают птицу. Насытившись, они переваривают пищу, а оставшиеся куски плоти, жира, перья и кожу распределяют по тем местам, где от всего этого изобилия будет наибольшая польза для Города.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ: Как образовалась муравьиная цивилизация? Чтобы это понять, нужно вернуться на несколько сотен миллионов лет назад, когда на Земле только начала развиваться жизнь.

Среди первозданных организмов были и насекомые.

Впрочем, они, похоже, оказались плохо приспособлены к окружающей среде. Маленькие, слабые, они становились превосходной добычей для любых хищников. Чтобы выжить, некоторые из них, к примеру саранча, выбрали путь усиленного размножения. Они воспроизводили потомство в количестве, достаточном для выживания вида.

Другие, такие как осы и пчелы, сделали ставку на яд и через поколения обзавелись ядоносными жалами, вполне себе грозным оружием.

Третьи, тараканы, предпочли сделаться несъедобными. Благодаря специальной железе они стали до того вонючими, что отбили у всех хищников охоту попробовать их на вкус.

Четвертые, богомолы и ночные бабочки, отдали предпочтение маскировке. Прикидываясь травинками или кусками коры, они становились незаметными во враждебной среде.

Однако в первозданных джунглях многие насекомые так и не придумали подходящих способов выживания и, казалось, обрекли себя на вымирание.

Среди таких бедолаг оказались прежде всего термиты. У этого вида лесных копателей, появившихся на земле около ста пятидесяти миллионов лет назад, не было ни малейших шансов протянуть достаточно долго. Кругом находилось слишком много хищников, а естественных преимуществ перед ними у термитов не было, защититься от них им было нечем...

Какая же участь ожидала термитов?

Многие из них вымерли, а выжившие оказались в столь отчаянном положении, что им ничего не оставалось – и это было своевременно, – только сделать настоящее открытие: «Бороться за жизнь следует не в одиночку, а объединенными группами. Хищнику куда труднее одолеть два десятка термитов, выдвигающихся против него единым фронтом, нежели напасть на термита-одиночку, который пытается от него

улизнуть». Так термиты открыли один из главных принципов организации много-сложного мира – общественное устройство.

Эти насекомые стали жить маленькими ячейками, прежде всего семейными, которые объединялись вокруг Матери-родительницы. Со временем семьи разрослись до размеров поселений, а поселения, постепенно расширяясь, превратились в города. Вскоре термитники из песка и цементирующей глины выросли на поверхности всей планеты.

Таким образом, термиты были первыми искусными мастерами на нашей планете и первым же обществом на земле.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Самец номер 327 больше не видит двух своих мучителей, от которых исходил запах камня. Он и в самом деле оторвался от них. А может, ему повезло и они погибли под обломками...

Но мечтать не время. Он все еще в опасности. У него не осталось никаких опознавательных запахов. Теперь, если он наткнется на любого воина, ему конец. Собратья точно примут его за чужака. Ему даже не дадут возможности оправдаться. Выстрел кислотой или удар челюстями без предупреждения – вот что ждет каждого, кто не способен выделять опознавательные запахи Федерации.

Невероятно. Как это его угораздило? Во всем виноваты те двое вояк с запахом камня. Что на них нашло? Они, должно быть, потеряли разум. Хотя такое бывает редко, иногда в генетической программе все же происходят сбои, что ведет к психологическим травмам; нечто подобное наверняка случилось и с теми муравьями: как только был объявлен третий уровень тревоги, они впали в истерику и принялись молотить всех подряд.

Однако те двое никак не напоминали истериков или помешанных. Напротив, они, казалось, четко понимали, что делают. Как будто... Одни клетки организма вполне сознательно уничтожают других лишь в одном случае. Кормилицы называют это раком.

Выходит, тот особый запах – это запах болезни... Самое время поднять тревогу. Теперь 327-му самцу предстоит решить две загадки – тайного оружия карликов и раковых клеток Бело-о-Кана. И рассказать об этом он не может никому. Надо все обдумать. Возможно, он узнает нечто сокровенное... найдет некое решение.

Он принимается чистить усики. Смачивание (ему кажется странным облизывать усики, не улавливая при этом опознавательного запаха), очистка, лощение с помощью локтевой щеточки, сушка.

Ну и ну, что же делать?

Перво-наперво – остаться в живых.

Только одно существо может вспомнить его инфракрасный образ без всякого подтверждения с помощью опознавательных запахов – Мать. Однако Запретный город кишит солдатами. Ничего не поделаешь. В конце концов, старинное изречение Бело-киу-киуни гласит: «Зачастую куда безопаснее бывает в самом очаге опасности!»

– Эдмонд Уэллс не оставил о себе добрых воспоминаний. Вот почему, когда он уходил, никто не стал его удерживать.

Это сказал пожилой мужчина с приятным лицом – один из заместителей директора корпорации «Свежее молоко».

– Но ведь он, кажется, открыл новую пищевую бактерию, ту, что должна была придавать ароматы йогуртам...

– Да уж, что касается химии, тут у него бывали приступы гениальности. Правда, не регулярно, а время от времени.

– У вас были с ним неприятности?

– Признаться, нет. Выражаясь точнее, он не вписался в команду. Держался особняком. И, даже если его бактерия принесла миллионы, должным образом у нас это, пожалуй, никто не оценил.

– Вы можете говорить без обиняков?

– В любой команде есть начальники. А Эдмонд терпеть не мог ни начальство, ни иерархическую власть в любой ее форме. Во всяком случае, он презирал руководителей, которые «руководят ради того, чтобы руководить, и ничего не производят», как он сам выражался. Ну а нам всем приходится подчиняться им. Хотя ничего зазорного в этом нет. Такова система. Он все нос задирает. И его сослуживцев это коробило даже больше, чем само начальство.

– Как он ушел?

– Повздорил с одним из заместителей директора по какому-то вопросу, хотя, должен признаться... он был тогда совершенно прав. Тот закрылся у Эдмонда в кабинете, и это вывело его из себя. Когда он увидел, что все на стороне того зама, ему пришлось уйти.

– Но вы же сказали, он был прав...

– Иногда лучше поступить как трус в интересах влиятельного человека, пусть даже он тебе и неприятен, чем проявить смелость ради того, кто никакого влияния не имеет, даже если он тебе симпатичен. У Эдмонда здесь не было друзей. Он с нами не ел, не пил, а лишь витал в облаках.

– Тогда почему вы признаетесь в собственной трусости? Незачем было мне это рассказывать.

– Гм... после его смерти я все думаю, что мы поступили недостойно. Вы его племянник, и я это рассказываю, чтобы хоть как-то облегчить душу...

В глубине темного узкого прохода виднеется деревянная крепость. Запретный город.

Это сооружение на самом деле сосновый пень, и вокруг него воздвигнут купол. Пень – сердце и позвоночник Бел-о-Кана. Сердце – потому что там, внутри пня, размещаются королевские покои и бесценные запасы провизии. А позвоночник – потому что благодаря ему Город может противостоять бурям и дождям.

При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить, что стена Запретного города испещрена сложными узорами, напоминающими варварские письмена. Это проходы, некогда проделанные первыми обитателями пня – термитами.

Пять тысяч лет назад, когда прародительница Бело-киу-киуни объявилась в здешних местах, она сразу же столкнулась с ними. Война была долгая, она продолжалась больше тысячи лет, но белоканцы в конце концов победили. Тогда-то, к вящему своему изумлению, они и обнаружили в дереве монолитный город с проходами, который вообще не поддается разрушению. Этот сосновый пень открывал перед ними новые возможности и в строительстве, и в архитектуре.

Сверху – ровная плита на возвышении; снизу – глубокие корни, уходящие под землю. И-де-аль-но. Однако скоро пень стал для рыжих муравьев тесноват: он уже не мог вместить все возрастающую популяцию. Тогда пришлось прорыть подземелье – глубже, под корнями. А чтобы нарастить макушку, пень завалили сверху ветками.

Сейчас Запретный город почти пуст. В нем остались только Мать и отборная стража – все остальные обретаются за его пределами.

Номер 327 приближается к пню осторожной, неровной поступью. Равномерные колебания воспринимаются как шаги, а неравномерные звуки могут быть истолкованы как мелкие обрушения. Ему ничего не остается, кроме как надеяться, что он не столкнется ни с кем из солдат. Он ползет дальше. До Запретного города не больше двух сотен голов. Он уже разли-

чает десятки проходов, ведущих внутрь пня, а точнее, – видит головы муравьев-привратников, перекрывающих входы.

Вследствие генетического нарушения головы у них круглые и плоские, похожие на шляпки гвоздей размером с входные отверстия, которые они поставлены охранять.

В былые времена эти создания доказали, на что они способны. Семьсот восемьдесят лет назад, во время Земляничной войны, Город захватили желтые муравьи. Все оставшиеся в живых белоканцы укрылись в Запретном городе, и муравьи-привратники, пятась задом, наглухо закрыли собой все входы.

Желтым муравьям понадобилось два дня, чтобы пробиться сквозь эти заглушки. Привратники не только закупоривали входы, но и кусались – челюсти у них удлиненные. Лишь сотня желтых муравьев была способна одолеть одного привратника. В конце концов врагам удалось пробить хитиновую броню, покрывавшую головы привратников. Но жертва «живых врат» была не напрасна. Другие федеративные города успели прислать подмогу, и через несколько часов Бел-о-Кан был освобожден.

Самец номер 327, конечно же, не собирается встречаться один на один с привратником, он рассчитывает воспользоваться лазейкой во вратах, через которую, к примеру, пропускают кормилиц с материнскими яйцами. Он мог бы прошмыгнуть внутрь до того, как лазейка захлопнется.

И вот одна из голов шевелится – лазейка открывается... перед стражем. Осечка, ничего не выйдет: страж вот-вот вернется и прикончит его.

Снова шевелится голова привратника. Номер 327 припадает на все шесть лап, изготовившись к прыжку. Не тут-то было! Ложная тревога – привратник всего лишь сменяет положение и встряхивается, прижимаясь шеей к деревянному ободку входного отверстия.

Что тут поделаешь, терпение на исходе – 327-й кидается на препятствие. Но, как только он оказывается на расстоянии вытянутого усика от привратника, тот замечает, что он лишен опознавательных феромонов. Привратник пятится, чтобы плотнее закупорить отверстие, и выпускает молекулы тревоги.

«В Запретном городе чужак! Чужак в Запретном городе!» – жужжит он, точно сирена.

И начинает размахивать клешнями, чтобы запугать незваного гостя. Он охотно рванул бы вперед и сразил его, но правило неумолимо: прежде всего надо загородить проход!

Действовать следует быстро. У самца есть одно преимущество: он видит в темноте, а привратник слеп. Он кидается вперед, уворачиваясь от бешено клацающих наугад челюстей, подныривает под них, пытаясь добраться до их основания, и перерезает одну за другой. Из ран привратника бьет прозрачная кровь. Но два обрубка все еще шевелятся, хотя никакой опасности они больше не представляют.

Однако пробраться внутрь 327-му по-прежнему не под силу: труп противника перегородивает проход. Его парализованные лапы упираются в дерево. Что же делать? Номер 327 целится брюшком в лоб привратника и стреляет. Тело содрогается, разъедаемая кислотой хитиновая броня плавится, испуская серый дым. Но голова у привратника крепкая. Самцу номер 327 приходится выпустить четыре кислотные струи, чтобы пробить себе лаз в его плоском черепе.

Теперь можно лезть. По ту сторону черепа он видит непомерно большие грудь и брюшко. Вот уж действительно, врата – живые врата!

СОПЕРНИКИ: Когда появились первые муравьи, через пятьдесят миллионов лет, им оставалось только держаться. Они приходились дальними родственниками осам тиффиям, диким одиночкам, и у них не было ни больших челюстей, ни жал. Они были маленькие и хлипкие, но совсем не глупые – и живо смекнули, что в их интересах стать такими, как термиты. Им следовало объединиться.

Они принялись строить собственные поселения и возводить громоздкие города. И вскоре термиты обеспокоились таким соперничеством. По их разумению, на Земле имелось место только для одного вида общественных насекомых.

С той поры войны стали неизбежными. Почти по всей земле – на островах, в лесах и горах – полчища термитов сражались с молодым воинством муравьев.

В мире животных творилось что-то невиданное. Миллионы челюстей беспрестанно лязгали ради цели, не имевшей отношения к добыванию пищи. Ради «политической» цели!

Поначалу многоопытные термиты одерживали верх во всех битвах. Но муравьи ко всему приспособились. Они стали изготавливать такое же оружие, как у термитов, и придумывали новое. Примерно пятьдесят-тридцать миллионов лет назад мировые термитно-муравьиные войны охватили всю планету. И в то же время муравьи открыли кислотно-струйное оружие и добились решительного преимущества.

Войны между двумя враждебными видами продолжаются и по сию пору, но легионы термитов побеждают редко.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

– Вы познакомились с ним в Африке, так ведь?

– Да, – ответил профессор. – У Эдмонда было горе. Помнится, у него тогда умерла жена.

И он с головой ушел в изучение насекомых.

– Почему именно насекомых?

– А что тут такого? Насекомые с давних времен привлекают внимание человека. Даже наши далекие предки боялись комаров, которые разносили лихорадку, блох, вызывавших чесотку, пауков, которые жалились, и долгоносиков, которые поедали их провизию. И это не прошло бесследно.

Джонатан находился в энтомологической лаборатории номер 326 НЦНИ Фонтенбло в обществе улыбочивого и словоохотливого профессора Даниэля Розенфельда, чьи длинные волосы были стянуты в конский хвост.

– Насекомые сбивают нас с толку: значительно уступая нам в размерах, они тем не менее не боятся нас и даже угрожают нам. К тому же, если хорошенько подумать, все мы в конце концов оказываемся в желудке у насекомых. Личинки мясных мух с удовольствием поедают наши останки...

– Я об этом не задумывался...

– Насекомых издревле считали воплощением зла. Вельзевула, одного из приспешников Сатаны, к примеру, изображают с головой мухи. И не случайно.

– Но у муравьев репутация получше, чем у мух.

– Это как посмотреть. В различных культурах о них упоминают по-разному. В Талмуде муравьи служат символом честности. Для тибетских монахов они всего лишь ничтожные материальные организмы. А народ бауле, в Кот-д'Ивуаре, верит, что, если беременную женщину укусит муравей, она родит младенца с муравьиной головой. Зато некоторые полинезийские народы считают муравьев крохотными божествами.

– Перед тем Эдмонд работал с бактериями, почему же он от них отказался?

– Бактерии составляли лишь ничтожную часть его интересов и сильно проигрывали в сравнении с насекомыми, особенно муравьями, в том, что касалось его изысканий. Под «его изысканиями» я понимаю глубокую заинтересованность. Ведь это он публично потребовал запретить игрушечные муравейники, пластмассовые коробки, которые продаются в супермаркетах вкупе с муравьиной королевой и шестью сотнями рабочих муравьев. А еще он боролся

против того, чтобы муравьев использовали в качестве «инсектицидов». Он хотел, чтобы в лесах повсеместно строили города для рыжих муравьев, чтобы те очищали леса от вредителей. Не такая уж глупая затея. В былые времена муравьев использовали в Италии для борьбы с сосновым шелкопрядом, а в Польше – с пихтовым пилильщиком, древесными вредителями.

– Натравливали одних насекомых на других, так?

– Гм... сам он называл это дипломатическим вмешательством. В прошлом веке мы натворили немало бед с химическими инсектицидами. Насекомых нельзя атаковать в лоб и тем более нельзя их недооценивать и пытаться укротить, как млекопитающих. Насекомые – это совсем другая философия, другое понятие пространство-время, другое измерение. Насекомые, например, обладают защитой – иммунитетом от всех химических ядов. Видите ли, мы все еще не можем предотвращать нашествия саранчи потому, что эти чертовы насекомые приспособляются ко всему на свете. Если залить вредителей инсектицидами, девяносто девять процентов из них сдохнет, а один процент выживет. И этот процент уцелевших не только приобретет иммунитет, но и породит сто процентов мелких «привитых» вредителей. А мы уже двести лет совершаем одну и ту же ошибку – травим продукты. Да так, что людей погибает от этого больше, чем насекомых. Мы сотворили сверхустойчивые исходные формы, которые могут без малейшего ущерба для себя поглощать самые сильные яды.

– Вы хотите сказать, у нас нет по-настоящему эффективных средств борьбы с насекомыми?

– Посмотрите сами. Комары, саранча, долгоносики, мухи цеце и муравьи живут себе поживают, как ни в чем не бывало. И ничто их не берет. В 1945 году заметили, что только муравьи и скорпионы способны пережить ядерный взрыв. Они приспособились даже к такому!

Самец номер 327 пролил кровь особи собственного муравейника. Он совершил злейшее насилие над своим организмом. И от этого у него появляется горький привкус. Но разве была у него, хранителя важного сообщения, другая возможность выжить ради великой цели?

Он убил только потому, что его самого пытались убить. Это цепная реакция. Как рак. Раз уж Город поступает с ним неправильно, он принужден действовать точно так же. И с этим нужно смириться.

Он убил брата. И, возможно, убьет еще не одного.

– Но зачем он отправился в Африку? Ведь муравьев везде хватает.

– Разумеется, только там другие муравьи... Думаю, после смерти жены Эдмону все опостылело, и сейчас, по прошествии времени, мне кажется, он надеялся, что муравьи «покончат» с ним.

– Простите?..

– Они его чуть не сожрали, черт возьми! Африканские кочевые муравьи... Видели фильм «Обнаженные джунгли»?

Джонатан отрицательно покачал головой.

– Там речь идет о *марабунта*, лавине крупных кочевых муравьев, *anomma nigricans*, которая движется по равнине, уничтожая все на своем пути.

Профессор Розенфельд встал и повернулся как бы навстречу незримой лавине.

– Сначала всюду слышатся шорохи, в которых сливаются крики, писки, шуршание крыльев и лап всякой мелкой живности, припустившейся бежать. Пока что муравьи невидимы – и вдруг из-за холма возникают несколько воинов. А следом за разведчиками быстро появляются другие, они движутся колоннами, растянувшись вдаль и вширь, насколько хватает глаз. Холм становится черным. Как от потока лавы, которая плавит все, что накрывает.

Профессор, увлекшись, расхаживал по помещению.

– Это ядовитая кровь Африки. Живая кислота. Их численность ужасает. Колония таких муравьев ежедневно откладывает в среднем пятьсот тысяч яиц. На несколько ведер хватит с лихвой... Так вот, этот черный сернокислотный поток течет и течет, взбирается на крутые склоны, деревья, и его ничем не остановить. Птицы, ящерицы, насекомоядные животные, которым не повезло оказаться рядом, тут же превращались в крошево. Картина апокалипсиса! Кочевым муравьям не страшен никакой зверь. Однажды я сам видел, как от одной чересчур любопытной кошки в мгновение ока ничего не осталось. Эти муравьи даже перебираются через ручьи по плавучим мостам из трупов своих же сородичей!.. В Кот-д’Ивуаре, в районе по соседству с центром Ламто, где мы их изучали, местные до сих пор не научились защищаться от их нашествий. Так что, когда объявляют, что эти крохотные кочевники надвигаются на деревню, люди убегают, прихватив с собой самые ценные вещи. Под ножки столов и стульев они ставят ведра с уксусом и молятся своим богам. А по возвращении их ждет полное опустошение. В деревне не остается ни крошки пищи, ни какого бы то ни было органического вещества. Ни единого насекомого-паразита. В конце концов, выходит, что кочевые муравьи – лучшее средство для полной очистки хижин.

– Как же вы их изучали, если они такие свирепые?

– Мы ждали полудня. У насекомых, в отличие от нас, отсутствует терморегуляционная система. Если снаружи 18 градусов, стало быть, температура тела у них такая же. А в жару их кровь закипела бы. Они бы этого просто не пережили. Поэтому с первыми жаркими лучами кочевые муравьи роют себе бивачные гнезда и отсиживаются там, дожидаясь, когда температура воздуха станет более сносной. Это все равно что зимняя спячка, с той лишь разницей, что прячутся они от зноя, а не от стужи.

– Ну так что же?

Джонатан совсем не умел вести беседу. Он считал, что разговоры похожи на сообщающиеся сосуды. С одной стороны, имеется собеседник, который что-то знает, – полный сосуд, – а с другой, есть тот, кто этого не знает, – пустой сосуд, к каковым, в общем-то, он относил себя. Тот, кто не знает, развешивает уши и время от времени подстегивает собеседника выражениями вроде «ну и что же?» или «а ну-ка, что дальше!» и при этом кивает.

О других же способах общения он не имел ни малейшего представления. Впрочем, наблюдая за знакомыми, он обратил внимание, что те пускаются главным образом в монологи, притом что каждый старается использовать собеседника в качестве бесплатного психоаналитика. В таких условиях он предпочитал собственную тактику. Он прикидывался эдаким незнайкой, которому, однако, охота все знать. Ведь не случайно китайская пословица гласит: тот, кто спрашивает, выставляет себя дураком на пять минут, а тот, кто не спрашивает, остается им на всю жизнь.

– Что же? Мы отправились туда, черт возьми! И это было что-то, уж поверьте. Мы надеялись откопать чертову матку. Пресловутую жирную муравьюху, которая откладывает пятьсот тысяч яиц в день. Нам хотелось всего-то посмотреть на нее и сфотографировать. Мы стали искать высокие резиновые сапоги. Не повезло: у Эдмонда был 43-й размер ноги, а у нас осталась только одна пара 40-го размера. И ему пришлось отправиться в башмаках... Я помню все, как будто это было вчера. Днем, в половине первого, мы очертили вероятное место бивачного гнезда в земле и взялись копать по периметру траншеей метровой глубины. В половине второго мы докопались до наружных камер. И тут потекла какая-то черная трескучая жидкость. Это тысячи разъяренных солдат клацали челюстями, а они у этого вида острые как бритва. Они впивались ими в наши сапоги и башмаки, а мы продолжали врубаться в землю лопатами и кирками, продираясь к брачным покоям. Наконец мы обнаружили сокровище. Матку. Насекомое, раз в десять крупнее наших европейских муравьиных маток. Мы принялись фотографировать ее со всех сторон, в то время как она наверняка распевала «Боже, храни королеву!» на своем обонятельном языке... Последствия не заставили себя долго ждать. Муравьи-воины сошлись

отовсюду и комьями облепили наши ноги. Некоторые стали взбираться вверх по телам своих собратьев, уже впившихся челюстями в резиновую обувь. Затем они забрались нам под брюки и рубашки. Мы, все как один, превратились в Гулливеров, а наши лилипуты думали лишь об одном: как бы превратить нас в съедобные ошметки! Главное – следовало глядеть в оба, чтобы они не проникли в наши естественные отверстия: нос, рот, задний проход, уши. Иначе конец, они сожрали бы нас изнутри!

Джонатан, потрясенный до глубины души, потерял дар речи. А профессор, казалось, заново переживал ту сцену, подкрепляя рассказ мимикой и жестами, свойственными скорее юноше, которым он давно не был.

– Мы хлопали себя по всем местам. А они все наседали, реагируя на наше дыхание. Мы стали проделывать упражнения йоги, стараясь медленнее дышать и контролировать страх. Мы пытались не думать – забыть про эти скопища воинов, которые хотели нас растерзать. Нам удалось отснять две фото пленки, причем некоторые кадры сделать со вспышкой. А когда мы покончили с этим делом, выбрались из траншеи, все. Кроме Эдмонда. Муравьи облепили его с ног до головы и уже готовы были сожрать! Но мы живо вытащили его, ухватив за руки, раздели и с помощью мачете соскребли всех кочевых муравьев, впившихся челюстями в его тело. Мы пострадали все до единого, но не до такой степени, как он, ведь у него не было сапог. К тому же он ударился в панику и стал выделять феромоны страха.

– Какой ужас!

– Да нет, он еще хорошо отделался – остался жив. Надо сказать, это не вызвало у него никакого отвращения к муравьям. Напротив, он принялся изучать их с еще большим интересом.

– А что потом?

– Он вернулся в Париж. И больше мы о нем не слышали. Он так ни разу и не позвонил старику Розенфельду, черт возьми. А потом я прочел в газетах, что он умер. Мир праху его.

Профессор отдернул штору и взглянул на старенький термометр, закрепленный на эмалированной жестяной раме.

– Гм... тридцать градусов в середине апреля – немыслимо! С каждым годом становится все теплее. Если так пойдет и дальше, через десять лет во Франции будут тропики.

– Неужели все так плохо?

– Люди ничего не замечают, поскольку изменения происходят постепенно. Но мы, энтомологи, обращаем внимание на мельчайшие признаки: в Парижском бассейне обнаруживаются виды насекомых, характерных для экваториальных областей. Вам не кажется, что бабочки стали более пестрыми?

– Верно, вчера я видел одну такую, черно-красную, она сидела на машине и вся свети-лась...

– Очевидно, это была глазчатая пестрянка. Эта ядовитая бабочка раньше встречалась только на Мадагаскаре. Если дело и дальше так пойдет... Представляете себе кочевых муравьев в Париже? Здравствуй, паника! Занятно было бы посмотреть...

Почистив усики и съев несколько еще теплых шматков плоти «поверженного» привратника, лишенный запаха самец семенит по деревянным коридорам. Материнская камера где-то поблизости – он ее чувствует. К счастью, температура не ниже 25 градусов и в Запретном городе почти пусто. Прошмыгнуть туда большого труда ему, верно, не составит.

Вдруг он улавливает запах двух воинов, перемещающихся в противоположном направлении. Один – здоровяк, другой – коротышка. У коротышки одни лапы короче...

Они принохиваются друг к дружке на расстоянии.

Невероятно, это он!

Невероятно, это они!

Номер 327 опрометью пускается наутек в надежде оторваться от них. Он кружит и кружит в трехмерном лабиринте. И наконец выбирается из Запретного города. Привратники его не задерживают: их задача – проверять прибывших снаружи, а не изнутри. Он сворачивает то в одну сторону, то в другую.

Но преследователи передвигаются не менее быстро и не отстают от него. И тут самец натывается и сбивает с лап рабочего с веткой; он сделал это не нарочно, и хорошо еще, что злодеи с непонятным запахом где-то застряли.

Этой заминкой надо воспользоваться. Муравей быстро проскальзывает в расселину. Хромой уже близко. Номер 327 забирается еще глубже в убежище.

– Куда он подевался?

– Пошел вниз.

– Как это – пошел вниз?

Люси взяла Августу за руку и повела к двери в подвал.

– Он сидит там со вчерашнего вечера.

– И с тех пор не вылезал?

– Нет, я понятия не имею, что там происходит, но он категорически запретил мне звонить в полицию... Он спускался туда уже не раз и всегда возвращался.

Августа опешила.

– Чистое безрассудство! Но ведь дядюшка категорически ему запретил...

– Теперь он таскает туда всякие инструменты, железки и здоровенные бетонные плиты.

Но что он мастерит там, внизу?..

Люси обхватила голову руками. Она дошла до крайности и чувствовала, что у нее опять начинается депрессия.

– И что, туда нельзя спуститься и поискать его?

– Нет. Он врезал замок и запирается изнутри.

Августа в недоумении опустила на стул.

– Ну ладно, ладно. Знай я, что записка Эдмонда станет причиной такого...

СПЕЦИАЛИСТЫ: Распределение обязанностей в больших современных муравьиных городах за миллионы лет привело к генетическим мутациям.

Так, одни муравьи рождаются с огромными челюстями-резаками и становятся солдатами, а у других отрастают челюсти-дробилки, с помощью которых они перетирают злаки в муку, третьи обзаводятся чрезвычайно развитыми слюнными железами, чтобы обмывать и обеззараживать новорожденных личинок.

Это примерно то же самое, как если бы у нас, людей, солдаты рождались с пальцами в форме ножей, крестьяне – с ногами в форме клещей, чтобы более ловко взбираться на деревья и собирать плоды, а кормилицы – с десятком пар грудей.

Но из всех «профессиональных» мутаций самая поразительная связана с любовью.

В самом деле, чтобы массы рабочих особей не отвлекались на эротические переживания, они рождаются бесполоми. Таким образом, репродуктивной энергией наделены специалисты – самцы и самки, принцы и принцессы этой параллельной цивилизации.

Они рождаются для одной-единственной цели – любви. И пользуются множеством приспособлений, которые помогают им совокупляться. Это и крылья, и инфракрасные глазки, включая усики – приемо-передатчики отвлеченных ощущений.

Эдмонд Уэллс

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

Убежище представляет собой не замкнутое пространство – оно ведет в маленькую пещеру. Номер 327 забирается туда. Воины с запахом камня, не замечая его, проходят мимо. Только пещера эта не пуста. Здесь есть что-то теплое и пахучее. И оно подает сигналы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.